INSPIRIA

ДАМЫ ТАЙНОГО ЦИРКА

КОНСТАНС СЭЙЕРС

INSPIRIA

Universum. Чаромантика

Констанс Сэйерс

Дамы тайного цирка

«Эксмо»

2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Сэйерс К.

Дамы тайного цирка / К. Сэйерс — «Эксмо», 2021 — (Universum. Чаромантика)

ISBN 978-5-04-174018-4

Франция, 1925 год. Сесиль Кабо прикована узами крови к Тайному Цирку: миру чудес, где артисты плетут чары иллюзий, карусели возвращают в прошлое, а воздушные гимнасты умеют летать. Это единственный мир, который известен Сесиль... пока девушка не встречает молодого художника, страсть к которому может разрушить всё. Вирджиния, 2004 год. Лара Барнс уверена, что вскоре станет счастливой женой, но Тодд, её возлюбленный, исчезает в день свадьбы. Отчаянные поиски заставляют девушку искать ответы в дневниках её прабабушки. Так Лара узнаёт историю Тайного Цирка – и фамильные секреты. Ведь на женщинах её рода лежит проклятие, и исчезновение Тодда может быть связано с ним… Роман от Констанс Сэйерс, автора бестселлера "Четыре жизни Хелен Ламберт"! Книга для поклонников "Ночного цирка" Эрин Моргенштерн, "Караваля" Стефани Гарбер и "Незримой жизни Адди Ларю" Виктории Шваб. Переплетение прошлого и настоящего, магия, демоны, мистический цирк. Драматичная красивая история для женской аудитории.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-174018-4

© Сэйерс К., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог 7
Часть 1 8
Глава 1 8
Глава 2 15
Глава 3 19
Глава 4 23
Глава 5 25
Глава 6 29
Глава 7 39
Глава 8 44
Глава 9 48
Глава 10 55
Глава 11 63
Глава 12 67
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Констанс Сэйерс
Дамы тайного цирка

© Гавронская А.В., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Моим леди:
Барбаре Гатри Сэйерс
Голди Сэйерс
Нессе Гатри
и Лоре Битти Фуллер

Цирк – ревнивая стерва. В самом деле, это ещё мягко сказано. Это прожорливая карга, которая высасывает твои жизненные силы, как вампир – кровь… Всё это – цирк, и тем не менее я люблю его больше всего на свете.
Генри Ринглинг Норт

Пролог

Керриган Фоллз, штат Вирджиния

9 октября 1974 года

«Бьюик» наполовину стоял на дороге, наполовину съехал в кювет, блестящий корпус сливался с кромешной темнотой ночи.

Он ударил по тормозам, едва не врезавшись в заднее крыло чужой машины. Господи. Кому и на кой чёрт понадобилось оставлять машину *здесь?*

Автомобиль казался знакомым. Он напряг мозги, пытаясь припомнить, где прежде его видел.

Обеспокоенный тем, что кто-то мог пострадать, он вышел на дорогу, предусмотрительно оставив в своей машине мигающий правый поворотник, чтобы её заметил любой, кто поедет по этому безлюдному участку. Невзирая на полнолуние, тень густого леса шатром накрывала дорогу – даже осенью, когда листва уже редела. Группы ровных берёзовых стволов белели в темноте, как длинные палочки мела. Из-за берёз сияла луна, и он слегка приободрился.

Он заглянул в машину через открытое окно – переднее сиденье пустовало. АрСи-Кола расплескалась на кожаную обивку, как будто водитель держал бутылку в руках, когда машина резко остановилась. Радио вопило на полную мощность. Несчастный придурок, видимо, просто пошёл в лес облегчиться.

– Привет? – Его голос разнёсся дальше, чем

он ожидал, и он вдруг осознал, как пустынна эта дорога.

Всеобщая неподвижность сбивала с толку. В такой час лес должен гудеть от ночной жизни, но эта ночь была зловеще тихой. Он повернул обратно. Надо будет из дома позвонить в полицию старику Арчеру, рассказать о находке.

– Привет? Есть тут кто-нибудь?

На границе леса он заметил какое-то движение.

У него участился пульс, и он поспешил обратно в безопасность своей машины, с огромным облегчением поставил ногу на пол, чтобы забраться внутрь и уехать прочь. Но вместе с тем его внимание привлекло нечто, плавно, по-кошачьи, скользящее между деревьями. В этих краях водились кошки, маленькие, но достаточно зловредные, чтобы досаждать фермерам. Он следил глазами за движением чего-то похожего на тень – и вдруг оно замерло.

Там, где остановилась эта штука, на обочине дороги возникла непонятная куча. Он осторожными шажками обогнул багажник, всё ещё под защитой машины. Что там такое? Ворох листьев? Господи, только бы не тело.

Ещё шаг ближе. Ещё чуть-чуть.

Воздух вышибло у него из груди, когда он понял – слишком поздно, что же перед ним. Оно было быстрым, очень быстрым, и на мгновение – его последнее мгновение – показалось странно знакомым.

Когда всё закончилось, лес снова сделался неподвижным, и только два радио в машинах в унисон играли песню «The Air That I Breathe».

Часть 1
Свадьба, которой не случилось

Глава 1

Керриган Фоллз, штат Вирджиния

8 октября 2004 года

Не то платье, поняла Лара. Совершенно не то.

Платье было серовато-бежевое, цвета старой кости. По приталенному лифу ветвился сложный спиральный узор из платинового бисера. От середины бедра начиналась длинная шифоновая юбка, подметающая пол эффектным пятифутовым шлейфом. Поправив наряд, Лара бросила хмурый взгляд в зеркало. Да, *это* платье – сплошное разочарование.

Фактически она впервые осталась с платьем один на один. Мать не стояла у неё за спиной, не расправляла ткань, ничего не говорила специальным многообещающим голосом. Вокруг не суетились свадебные распорядители и портнихи с воодушевляющими общими фразами о том, как *великолепно* она будет выглядеть.

В этом платье? Не будет.

Лара склонила голову к одному плечу, затем к другому – в надежде, что какой-нибудь ракурс ей всё-таки понравится. Ей вспомнилась небольшая стопка фотографий, которые она в детстве вырезала из свадебных журналов. Они с подругами рады были даже прошлогодним потрёпанным номерам «Современной невесты» из зон ожидания в парикмахерских, куда их матери ходили на завивку, осветление и окрашивание. Когда никто не видел, девочки прятали старые журналы в портфели, а позже разглядывали у себя в комнатах, и каждая вырывала страницы со своими любимыми моделями платьев из шёлка, тафты и фатина. Лара хранила некоторые страницы годами, и из них сложился упрощённый образ *вот этого* платья, которое сейчас отражалось в зеркале. Она вздохнула. Никакое платье не оправдало бы таких завышенных ожиданий. Но это было слишком взрослым, слишком старомодным: больше исторический костюм, чем свадебный наряд.

Лара обернулась, напряжённо прислушиваясь, не возвращается ли мать на второй этаж. В коридоре было тихо. Она улыбнулась. Рассматривая своё отражение, она начала желать, чтобы юбка платья стала менее облегающей в бёдрах, а шлейф – более пышным. Подёргав его, она сконцентрировалась изо всех сил, и ткань поддалась и распустилась, как раскрывающийся цветок в замедленной съёмке, складки взлетали и опадали, укладываясь перед ней.

– Вот сюда, – сказала она, и ткань повиновалась. – Чуть меньше. – Ткань взвихрилась, как живая, шелестя и перемещаясь, чтобы угодить ей. – Превосходно. – Лара повернулась, глядя, как уменьшается шлейф, пока она не приказала: – Стой.

Она покружилась перед зеркалом, любуясь разлетающейся юбкой. Дальше настало время заняться цветом.

– Чуть светлее, ближе к слоновой кости, меньше платины.

Серебристые тона платья потеплели до мягкого оттенка слоновой кости, как телеэкран, корректирующий яркость.

– Гораздо лучше. – Она прикинула, стоит ли оставлять в октябре открытый лиф без рукавов. – Может быть, рукава?

Платье заколебалось, как будто заклокотало, не понимая, что делать.

– Кружевные рукава, – уточнила она.

Платье немедленно повиновалось, как почтительный портной, и вдоль её руки соткался затейливый кружевной узор, словно края сшивали вместе поющие птички из диснеевских мультфильмов.

– Лара Барнс, что ты *делаешь*?!

Позади неё стояла мать, уперев руку в бедро; в другой она держала искусной работы колье из двадцати нитей жемчуга. В центре сияла большая бриллиантовая вставка в викторианском стиле.

– Мне оно не нравилось! – воскликнула Лара, защищаясь. Она погладила новую юбку, как послушного питомца, давая платью понять, что с изменениями закончено.

– Тогда иди в магазин и купи другое. Ты не можешь просто *заколдовать* платье, Лара!

– Ну очевидно же, что могу! – Брови Лары взлетели от возмущения, она повернулась лицом к матери. – Нам не понадобилось его менять, у меня получилось лучше.

– Рукава вообще не подходят. – Одри Барнс нахмурилась и провела пятернёй по пшеничного цвета коротким волосам. – Развернись, – скомандовала она, сопровождая свои слова вращением кисти. – Ты будешь нервничать на церемонии, и чары спадут. Попомни мои слова. Это опасная затея.

– Ты же можешь поддержать его целым, если моё заклинание пропадёт.

– Вот мне больше беспокоиться не о чем.

Мать Лары была блестящей заклинательницей, пусть даже ненавидела пользоваться магией. Она отдала колье дочери и занялась заколдованным свадебным нарядом: провела ладонями по кружевным рукавам, и под её прикосновением они превратились в струящийся шифон. В отличие от Лары матери не приходилось говорить платью, что делать, оно подчинялось её мыслям. Одри вернула платиновому бисеру первоначальный цвет, но потом передумала и заменила его целиком мягким вышитым узором.

– Вот так, – сказала она. – Нужно что-то плотное по контрасту с рукавами.

На выходе получилось платье цвета слоновой кости с рукавами того же цвета, платиновой отделкой на лифе и пышной юбкой в пол.

– Так гораздо романтичнее, – заключила Одри.

Лара оглядела изменения в зеркале и осталась довольна.

– Тебе нужно чаще зачаровывать платья, матушка!

Одри бросила на дочь сердитый взгляд, забрала у неё из рук украшение и надела ей на шею.

Лара в восхищении потрогала колье.

– Где ты прятала эту побрякушку?

– Оно принадлежало Сесиль, – сказала Одри. То есть прабабушке Лары.

Колье действительно выглядело знакомым.

– Ты носила его раньше?

– Нет, – ответила мать, любовно глядя на свои изменения в платье, поправляя его здесь и там и лёгкими прикосновениями меняя оттенок и фасон. – Но ты его видела. Бабушка в нём на портрете.

Лара сотни раз проходила по коридору мимо портрета Сесиль Кабо, но никогда не задерживалась, чтобы рассмотреть его внимательнее. Она попыталась припомнить колье.

– Она унаследовала его от матери.

– Я не знала. – Лара потрогала изящные жемчужные нити, удивляясь, почему ни разу не находила его в детстве, когда рылась в материнской шкатулке с украшениями.

– Говорят, она была знаменитостью. – Одри улыбнулась и покружила Лару за руку. – Ты в нём прекрасно выглядишь. И мне нравятся изменения в платье, но так рисковать нельзя. Тебя могут поймать.

– Но я в своей комнате. Кому меня ловить, кроме тебя?

– Нельзя подвергать себя риску из-за магии, Лара. Тебя не поймут. Представь, что будет, если это платье расколдуется посреди твоей свадебной клятвы?

– Ты имеешь в виду, что *Тодд* не поймёт. – Лара скрестила на груди руки.

– Послушай, – сказала Одри тоном убеждения, – некоторые тайны следует строго хранить даже от Тодда. И *это* – одна из них.

Лара знала: мать всегда хотела, чтобы они были «нормальными». Они же, напротив, принадлежали к фамилии Кабо – знаменитой и странной цирковой семье, которая раньше владела Цирком Марго. Семьи циркачей редко бывают нормальными. В детстве Одри каждое лето выступала с лошадьми, стала выдающейся наездницей, но терпеть не могла выступать на публику и ясно дала понять, что не желает больше участвовать в семейном деле. Вместо этого молодая девушка забрала из своего номера лошадей породы Липпитт Морган и занялась их разведением, и вскоре фермы Кабо превратились в одно из самых успешных коневодческих хозяйств на юге. Из-за конкуренции с телевидением для Цирка Марго наступили тяжёлые времена, и он закрылся в начале 1970-х, когда посетителей стало намного меньше.

А ещё были эти странные способности – простые «корректировки», которые могли делать и мать, и дочь. Одри так рассердилась, когда её не по годам развитая дочь использовала чары в школе на глазах у других детей, что в наказание заколдовала все двери и окна в доме, и Лара провела выходные под домашним арестом.

Лара повернулась к Одри спиной.

– Расстегнёшь? Мне надо съездить к Тодду.

– Сейчас? – Одри снова упёрла руки в боки. – Десять вечера. Не задерживайся надолго, это плохая примета.

Лара закатила глаза, собрала платье, которое вернулось к своему первоначальному виду, и повесила на вешалку. Они с Тоддом поддались бабушкиным сказкам Одри и согласились провести ночь перед свадьбой отдельно. Лара сегодня вернётся на фермы Кабо к матери, а Тодд будет ночевать в их квартире.

Одри Барнс обладала всеми привлекательными свойствами блондинки из фильмов Хичкока, но также разделяла все мифы и романтические убеждения викторианской героини. Она назвала Лару в честь персонажа из «Доктора Живаго» – фильм они исправно пересматривали каждый год с коробкой платочков. Завтра на свадьбе Лара будет танцевать с отцом под кавер Аль Мартино «Somewhere My Love»[1], и мать наверняка будет утирать слёзы где-то рядом со свадебным тортом.

Её джип выбирался по извилистой дороге от ферм Кабо на автомагистраль, и Лара вспомнила разочарованный взгляд матери, когда они с Тоддом объявили о помолвке. Её жених не очень-то нравился Одри. Она пыталась отговорить их от свадьбы, убеждая подождать до весны. Лара знала: мать надеется, что время сможет что-то изменить. Но Тодд был Лариной первой любовью, её первым во всех смыслах. Они знали друг друга с пятнадцати лет.

Одри содействовала тому, чтобы они учились в разных колледжах, оплатила дочери семестр учёбы в Европе и даже смирилась с Лариными годичными гастролями вместе с группой отца – всё что угодно, лишь бы охладились их отношения с Тоддом. Тодд также уехал в колледж, отучился два курса, затем вернулся домой и основал мастерскую по реставрации ретроавтомобилей.

Когда они были в разлуке или расставались на время, другие парни интересовали Лару, только если были похожи на Тодда. Судя по коллекции двойников Лары, с которыми встречался Тодд во время их размолвок, он чувствовал то же самое. Химия или магия – какое-то необъяснимое притяжение всегда приводило их друг к другу.

---

[1] В основе этой песни музыкальная тема Лары из фильма «Доктор Живаго» 1965 года.

Лара не сомневалась: если бы Одри была моложе, она потеряла бы голову именно от такого романтического типажа плохого парня, как Тодд. Фактически мать выбрала свою версию Тодда когда-то в 1974-м, когда вышла замуж за Лариного отца, Джейсона Барнса.

Лара свернула на подъездную дорожку. Дом гудел деятельным ожиданием, фонари освещали дорогу до приоткрытой сейчас входной двери. Родственники из дальней дали вроде Одессы и Толедо занимали ручки диванчика и декоративные стулья со спинкой. Звенели тарелки, люди сталкивались друг с другом над грязной посудой и кружками с кофе без кофеина. Лара задумалась, почему её дом, в отличие от этого, не был полностью забит роднёй.

Она заметила Тодда через зал: он выходил из задней двери с пакетами льда в руках. Проходя мимо, он тоже заметил Лару и улыбнулся. Его длинные, до подбородка, волнистые волосы в течение вечера начали виться кудрями.

– Лара, почему ты не заставила его подстричься? – спросила у неё тётя Тильда, парикмахерша откуда-то из Огайо. Лара заговорщически подняла брови. Как будто кто-то мог заставить Тодда сделать что-нибудь против его воли.

Передав лёд, Тодд чмокнул тётю в щёку.

– О, тебе не нравятся мои волосы?

Лара увидела, что пожилая женщина инстинктивно одёрнула кофту, когда Тодд перевёл на неё взгляд.

Тётя потянула на себя один локон и пристально его осмотрела. У Тодда были блестящие каштановые волосы. Лара приметила несколько седых волосков, серебрящихся на свету, как мишура. Будь Тодд более зациклен на своей внешности, он бы покрасился перед церемонией. Тётя Тильда громко вздохнула и пригладила непослушную прядь, по-видимому, согласившись, что Тодду идёт его причёска.

– Ну…

Тодд был не просто интересной внешности – он был настоящим красавцем. Как в Джеймсе Дине в расцвете красоты, в нём ощущалась трагическая чувственность, так пьянящая женщин. Всех женщин. Судя по всему, даже родственниц.

– Мне скоро придётся уйти. – Лара умостилась на диванном сиденье рядом с ним. В последнее время он носил футболки с длинным рукавом – даже в свои почти двадцать девять он всё ещё беспокоился о том, что его мать не выносит вида татуировок, украшавших вычурными завитушками оба его предплечья.

Через час Лара начала подниматься с диванчика.

– Я тебя провожу, – сказал Тодд.

– Отпусти её, Тодд, – поддразнила их соседняя пара тётушек. – Почти полночь. Плохая примета – видеть невесту до церемонии в день свадьбы.

Над ними ритмично вращались верхние вентиляторы под навесом крыльца, и от волн прохладного воздуха Лару бросало в дрожь.

– В таком случае я удостоверюсь, что отправил её в 11.59, – он прошёл в дверь. – Сколько раз тебе звонила мать?

– Дважды за последние десять минут. – Лара нарочито медленно пошла через двор к своему джипу. Она посмотрела вверх на небо и подумала: запомнить бы, что стоит так делать чаще – звёзды казались больше, как будто светили ярче специально для неё.

– Прежде чем ты уйдёшь, мне нужно кое-что тебе показать.

Лара обернулась кругом: Тодд двинулся спиной вперёд, уводя её к гаражу своего отчима. Её завораживало, что он шагал уверенно и ни разу не посмотрел вниз. Она бы споткнулась о неровность на асфальте или корень дерева, потянула бы лодыжку – но не Тодд. Он был одним из самых уверенных в себе людей, которых она знала: довольным собой со всеми своими недостатками, а потому великодушным к другим. Ему нечего было доказывать за чужой счёт.

– Я думал, что всё будет готово до свадьбы, но не успел доделать в срок.

Он открыл дверь и включил свет – загудела неисправная лампа. Лара увидела перед собой грузовик-пикап на подъёмнике, приподнятый под таким углом, будто он собирался взмыть в воздух. Пикап покрывал гладкий слой матовой серой грунтовки, словно его вылепили из глины. Лара охнула.

Она была неравнодушна к старинным пикапам – такие вышивают на декоративных зимних подушках в качестве рождественского украшения или выставляют у заведений, чтобы придать им старомодный вид. В её детстве у них во дворе среди потрёпанного циркового оборудования стоял старый фургон, точно такой, как этот. В одну из генеральных перестановок Одри его вывезли и сдали в металлолом, но контуры сухой травы под ним остались на несколько лет, как шрам.

– Это «Шевроле» 1948 года.

– «Шевроле-3100» 1948 года производства, пятиоконная кабина, рядный шестицилиндровый двигатель, ручная коробка передач. Я знаю, тебе такое нравится. – Он обошёл пикап кругом и показал на пол за кузовом. Примерно в десяти футах от машины Лара разглядела пыльную груду бурого металла, выглядящую как выброшенные механические потроха.

– Погоди, сейчас покажу, что я приготовил для этой малышки. Пойдём со мной. – Тодд провёл Лару вокруг пикапа к верстаку, закатал рукава и откинул назад волосы, полностью сконцентрировавшись на своих чертежах и заметках, разложенных повсюду. Он опёрся на верстак и начал просматривать фото и эскизы.

Вылетев из колледжа – его исключили с инженерного факультета в Вирджинском политехническом, Тодд вернулся в Керриган Фоллз и прихоти ради открыл мастерскую по реставрации ретроавтомобилей в партнёрстве с человеком по имени Пол Шерман, владельцем старого гаража. В последние два года специалисты-реставраторы «Ретроавтомобилей Шермана и Саттона» стали самыми востребованными на всём Восточном побережье, в основном благодаря известности Тодда как эксперта по реставрации высокомощностных машин-маслкаров: «Шевроле Корвет», «Камаро», «GTO», «Шевель» и «Мустанг». Лара и подумать не могла, что подростковая страсть Тодда ковыряться в автомобильных двигателях превратится в его дело жизни, не говоря уже о том, что оно окажется столь прибыльным.

– Вот, видишь, – Тодд указал на фотографию того же самого «Шевроле» без передних фар и с облупленными пятнами краски, – все крылья проржавели.

Лара видела на фото, что весь пикап, когда Тодд его нашёл, покрывал слой бурой ржавчины. Тодда так увлекал процесс превращения этой головоломки из металла в произведение искусства и так расстраивали какие-то отдельные детали, что он будто сразу ушёл в себя: руки сложены на груди, массивная челюсть подрагивает.

Хотя предполагалось, что Лара должна рассматривать выложенные перед ней фотографии пикапа на разных стадиях разрушения, вместо этого она изучала лицо Тодда. Его длинный нос мог бы выглядеть несколько женственным, если бы не изящная горбинка. Когда он входил в помещение, люди прекращали разговаривать и разглядывали его, гадая, не знаменитость ли это – возможно, кинозвезда, вернувшаяся в отпуск в родной город. Чем Тодд Саттон был прекрасен, по мнению Лары, – что ему было плевать на свою популярность, он мог потратить уйму времени на переделку «Шевроле-пикапа» 1948 года в качестве подарка для невесты. Тодд не обращал внимания, какое впечатление производит на людей, – а если иногда и обращал, для него это не играло роли.

– Где ты его нашёл?

– О, это исключительная вещь. – Он чертовски обаятельно улыбнулся, просияв карими глазами, и вытащил из папки фотографию пикапа с выцветшей корпоративной символикой сбоку. – Узнаёшь?

Лара взяла фотографию из его рук – и задохнулась. На старом чёрно-белом кадре знакомый логотип в солнечном свете выглядел почти засвеченным. Лара почувствовала укол ностальгии. Это был их старый пикап. Цирка Марго.

Старый пикап в фирменных цветах их цирка когда-то возил команду из двух человек по восемнадцати городкам, чтобы они развешивали афиши на каждом телеграфном столбе, сарае и любой местной лавочке, которая согласится, – чаще всего соглашались рынки и аптеки. Этот «Шевроле» много лет стоял среди ржавеющего брошенного циркового реквизита и прицепов рядом с Лариным домом, сквозь его пол прорастала трава и плети вьющихся растений, как будто земля заявляла на него свои права.

– Так вот, я проезжал мимо запасников старого парка аттракционов в Калпепере и увидел с дороги эту машину. Её спрятали за древними кабинками с американских горок. Я не знал, что это тот самый старый пикап с твоего участка, пока не начал его чистить и не увидел полустёртый знак. Надпись была очень знакомая, так что я пошёл в историческое общество поискать какие-то старые фото с ним среди памятных вещей из Цирка Марго. И конечно, нашёл целую пачку.

Блондинка позировала для фото, привалившись к переднему бамперу. Её ногам в коротких шортах позавидовала бы даже Бетти Грейбл[2]. Обернувшись посмотреть на пикап, Лара погладила изгиб крыла. Эта машина принадлежала её семье.

– Я надеялся, что это будет мой свадебный подарок, но к нему, прямо скажем, паскуднейше сложно найти детали, поэтому, боюсь, вовремя он готов не будет.

Он неестественно громко рассмеялся, и Лара склонила голову набок и присмотрелась к нему. Он что, нервничал? Тодд никогда не демонстрировал нервозность. Но сейчас он искал взглядом её лицо, пытался прочесть в нём что-то, убедиться, что она оценила его подарок.

Лара притянула его к себе и пылко поцеловала, затем прошептала ему на ухо:

– Никто в жизни не делал для меня ничего настолько продуманного. Мне очень нравится.

Тодд посмотрел на неё сверху вниз и прижался лбом к её лбу.

– Лара, мы же оба знаем, что я не всегда был таким внимательным.

Это правда было так. На протяжении всей их истории случалось много ошибок, других девушек, а после, когда они стали старше, – женщин. Хотя Лара списывала это на молодость, она захлопывала перед ним двери, швыряла в него прекрасными букетами роз, рвала записки с извинениями и плоды его жалких попыток сочинять стихи. Из мести она ходила на свидания и, к своему удивлению, даже ненадолго влюбилась в одного из таких партнёров, но всегда возвращалась именно к этому человеку.

– Что, трусишь перед свадьбой? – Лара склонила голову, немного подшучивая над ним.

Тодд не прикасался к ней, и почему-то это лишь придавало его словам серьёзности и честности. Он не старался её очаровать.

– Мне жаль, что мне пришлось вырасти, чтобы… жаль, что мы встретились с тобой не сейчас, а тогда.

Лара рассмеялась, он – нет. Осмотревшись по сторонам – фотографии, припасённый для неё продуманный подарок, она поняла, что перемены, постигшие Тодда в последние несколько лет, были столь постепенными, что она их упустила. Он в полный рост прислонился к верстаку и, скрестив руки, посмотрел ей в лицо.

– Я из тех, кому нужно было дорасти до любви. Не до того, чтобы полюбить *тебя*, я всегда тебя любил, только не знал, как нужно. Ты получала что-то вроде попыток создать шедевр от человека, который вообще не умеет рисовать. Я произносил громкие слова, но мы оба знаем: часто они были пусты. Временами мне помогало сформироваться даже твоё отсутствие. Но

[2] Бетти Грейбл (1916–1973) – культовая американская актриса, танцовщица и певица. Она установила рекорд, двенадцать лет подряд становясь самой кассовой знаменитостью.

ведь так и должно быть, да? И присутствие, и отсутствие человека. В совокупности. И в результате теперь я испытываю гораздо более глубокое чувство. Любовь. Мою любовь к тебе.

Между ними повисло напряжённое молчание. Лара понимала, что он не ждёт ответа. Так много было в их общей истории: и хорошего, и плохого – тем не менее комнату наполняли непроизнесённые слова. Лара встретилась с ним взглядом. Она видела, каким был его свадебный подарок – предложением гораздо большей части его личности, чем, по сути, предполагал брак. Каждый дюйм этой машины был обработан и отшлифован его руками – его творение *для неё*.

Он взял её за руку. Их губы встретились. Тодд прекрасно целовался – неторопливо и размеренно, а Лара точно знала, как прижаться к нему, чтобы между ними вовсе не осталось расстояния. Он обхватил её лицо руками, и поцелуи стали более глубокими, настойчивыми. Когда их объятия распались, Тодд поймал прядь её волос и принялся накручивать на палец.

– Уже почти полночь. – Лара совершенно не хотела уходить.

– О чёрт, никогда такого не было, – поддразнил Тодд. Он повернулся к идеально загрунтованному пикапу.

– Вот такого цвета будет в готовом виде. – Он снова отвёл её за руку посмотреть образец – фирменный тёмно-красный цвет Цирка Марго, напоминающий спелое яблоко сорта Рэд Делишес.

Лара легко могла представить, что проведёт так всю жизнь. С улыбкой она помечтала, как было бы хорошо сегодня просто вернуться в свою квартиру и свою кровать. К возвращению из Греции после медового месяца они даже присмотрели себе дом: величественный, в викторианском стиле, с башенкой и круговой верандой.

– Мне правда пора.

Прежде чем Тодд выключил свет, Лара обернулась на пикап.

– Мы увидимся завтра? – мимоходом пошутила она, когда уже открыла дверь гаража и ступила на дорожку.

– Ничто не сможет мне помешать.

Глава 2

Керриган Фоллз, штат Вирджиния

9 октября 2004 года (пятнадцать часов спустя)

Колокола в церкви зазвонили одновременно с первым громовым раскатом обещанной прогнозом грозы, и на долину обрушился ливень. По погоде в последние недели можно было предположить, что и сегодня будет ясный и солнечный день, но в последний час над Керриган Фоллз нависло неестественное воспалённо-пурпурное небо.

Плохая примета? Знамение, быть может? Что за ерунда. Лара выбросила эту мысль из головы. Со своего наблюдательного поста в кабинете на верхнем этаже она смотрела на классический белый кабриолет «Мерседес», припаркованный на холостом ходу у ступеней. Дождь пропитал лавандовые бумажные гирлянды на багажнике, и поток дешёвой краски стекал с бампера в лужу грязи. Лара откусила случайный заусенец на идеальном во всех прочих отношениях маникюре и проследила, как гости оскальзываются на булыжниках, перепрыгивают появившиеся лужи и скачут по ступенькам в своей лучшей выходной обуви, спасаясь от ливня.

Заколдованное платье в комплекте с жемчужным колье выглядело прекрасно. Непослушные светлые волосы Лары собрали в изящный низкий пучок. Она сняла новые туфли, ругая себя, что заранее их не разносила, но потом решила, что может зачаровать и их тоже – кожа немного растянется по её приказу.

Было около половины пятого. Уже вот-вот должна была начаться её свадьба, однако до сих пор никто не пришёл за ней. Странно. Лара осмотрелась. Куда все ушли? Она вытянула шею, чтобы увидеть их. Где же её мать? Где подружки невесты, Карен и Бетси?

В пяти милях отсюда в самом центре Пьемонта, края виноградников, на винодельне Шамберлен группа наёмных работников готовила приём. Длинные столы с нарядными дамасскими скатертями, подсвечниками из посеребрённого стекла и изящно составленными букетами гортензий ожидали полторы сотни гостей, которые сейчас этажом ниже сидели на скамьях и пролистывали молитвенники. Буквально через пару часов эти гости будут танцевать под музыку ирландской группы на площадке с видом на виноградники. К обеду им подадут сырные тарелки с сырами из разных стран – манчего, копчёный гауда, голубые сыры с плесенью, а затем рёбрышки, креветки с чесночным соусом и, наконец, комбинированное горячее – филе-миньон и лосось, запечённый в травах, с картофелем по-испански. Около восьми разрежут свадебный торт, причудливое голубое с золотом произведение кондитерского искусства: три белых миндальных коржа, покрытых сливочной глазурью с лёгкой ноткой экстракта миндаля. Друзья и семьи новобрачных будут пить местные вина из винограда, вызревшего во время влажных летних сезонов штата Вирджиния: острое Каберне Фран, терпкое Неббиоло, нежное Вионье – из хрустальных бокалов от Сасаки, высоких, на круглых ножках.

Лара спланировала каждую деталь. Мысленно она уже хлопотала о мелочах на приёме, ей необходимо было приступить к делу, начать двигаться. Не так давно деятельная активность вокруг неё почти полностью схлынула, и наступило зловещее затишье, грохот грозы послужил долгожданной передышкой от этой тишины. Уже час как Лара была одета и готова к выходу, фотограф запечатлел все этапы подготовки: её волосы, макияж и, наконец, платье.

Она приподняла подол юбки и, как в «Унесённых ветром», сбегала к залу. Не найдя там никого, она вернулась было к окну, но услышала слабый шёпот и повернулась: в коридоре Фред Саттон, владелец городского похоронного бюро и приёмный отец Тодда, о чём-то тихо говорил с её матерью.

Наконец-то. Что-то началось.

Голоса звучали то громче, то тише. Лара снова направила внимание на окно, уверенная, что, какие бы вопросы ни решали эти двое, её это не касается.

Краем глаза она заметила, как Фред, который уже возвращался вниз, остановился и решительно прошёл к ней. Половицы подрагивали от его тяжёлых шагов. Он с такой силой взял Лару за плечи своими мощными руками, что чуть не поднял её над полом. Этот внезапный порыв так поразил её, что она шагнула назад, чуть не перевернув стоявший за ней детский столик в виде полумесяца. Фред наклонился и прошептал ей в ухо, касаясь губами бриллиантовой серьги, взятой напрокат для свадьбы:

– Не волнуйся. Мы его отыщем.

Она ослышалась? Лара осторожно произнесла:

– Он что, не здесь?..

Фред опустил взгляд на свои сияющие, как зеркало, туфли из проката.

– Не совсем.

Как понять «не совсем»? Она взглянула на мать за разъяснением. Одри, кажется, воспринимала эту информацию как новость об автокатастрофе.

– Он собрался помыть машину и ещё не вернулся, когда мы уезжали в церковь, – сказал Фред, будто оправдываясь. – Никто не подумал, что с ним что-то не так.

Сильнее всего на Лару подействовали слова «не так». Да, кое-что, по её ощущениям, было *чудовищно* не так.

– Когда вы его видели в последний раз?

– Около полудня. – Фред сверился с часами, как будто в них каким-то образом содержался ответ.

Ничего такого просто не могло произойти в Кериган Фоллз. Лара мысленно порылась в памяти, стараясь припомнить, что *плохого* последний раз случалось в её городе. Умирали старики, но обычно тихо, в своей постели. За всё время её жизни не было ни одной аварии, ни одного пожара в жилом доме. И определённо никто не похищал прохожих на улице. Обычно люди появлялись на собственных свадьбах.

– Где его смокинг? – Лицо Лары запылало, ей понемногу пережимало горло. Она представила взятый напрокат смокинг, разложенный на двуспальной детской кровати Тодда.

– Перед нашим уходом он ещё лежал на кровати. – Фред встретился с ней взглядом. – Мы его принесли… На случай…

– На какой случай? – перебила Лара. В целом свой ответ она получила. К глазам внезапно подступила горячая волна слёз. Букет плотно упакованных белых калл в руке показался ей нелепой бутафорией. Она опустила руку и незаметно уронила его на пол. Если Тодд Саттон оставил смокинг на кровати, то, насколько она понимала, он не собирался приходить на их свадьбу. Но почему? Когда они виделись накануне ночью, он вёл себя совершенно иначе. Она никогда не была в нём так уверена. Лара обхватила руками живот – её затошнило. Её одурачили? Тодд и раньше, бывало, её подводил, но настолько… Настолько – никогда.

– В барах проверяли? – хмыкнула Одри.

Она была предвзята, но Лара знала: мать защищает её. В какой-то момент, если Тодд правда не появится, Одри потребуется начать подробный учёт его проступков.

Но он должен появиться. Тодд бы не бросил меня вот так.

Фред опустил голову.

– Да, – сказал он каркающим голосом. – Проверяли везде. Попросили Бена Арчера узнать, не было ли каких аварий – не было. Он даже обзвонил больницы в Мэдисоне и округе Ориндж. Ничего.

Бен Арчер? Если Фред настолько отчаялся, что подключил к делу начальника полиции, то, поняла Лара, всё куда более серьёзно, чем он старается показать. Потрясённый, полный раскаяния, Фред как будто стал меньше ростом.

– Видимо, он просто опаздывает. – Лара оптимистично улыбнулась. Тодд просто опаздывает, вот и всё. Но откуда он опаздывает? У Тодда было много недостатков, но его нельзя было

обвинить в непунктуальности. На самом деле за все их годы вместе она не могла припомнить ни одного раза, чтобы ей пришлось его ждать.

До настоящего момента.

– Да, видимо, так. – Фред напряжённо улыбнулся. Прядь его волос, зачёсанная, чтобы скрыть плешь, обвисла на блестящий от пота лоб. Он поднял палец. – Дайте-ка я проверю внизу ещё разок. – Он пошёл к лестнице и обернулся с видом любезного официанта. – Я подумал, что лучше тебе об этом знать.

О нет. Лара видела его таким прежде. Фред примерял на себя отрепетированную манеру поведения, которую демонстрировал, когда распоряжался похоронами и организовывал горе – чужое горе. Это было его работой – сводить беспорядочные тяготы утраты к аккуратному, хорошо исполненному ритуалу. Теперь пришла её очередь. Осторожно подбирая слова, он начал готовить её к худшему.

– Который час? – спросила Одри.

– Четыре сорок, – сказал Фред, не глядя на часы.

– Раз его всё ещё нет, я прошу тебя сообщить всем, что свадьба откладывается, – приказала Одри. – *Откладывается*, – подчеркнула она. – Пока мы не выясним, что произошло.

Ларин отец, Джейсон Барнс, стоял в дверях, ожидая сигнала, чтобы повести Лару по проходу. Теперь он слушал разговор и дёргал, чтобы ослабить, свой галстук-бабочку – и в итоге оторвал совсем. Джейсон, будучи музыкантом, обычно не носил ни галстуков, ни смокингов.

– Давайте ещё немножко его подождём. Он появится. – Он улыбнулся Ларе.

Таков был Джейсон, вечный оптимист, Кандид с гитарой «Фендер».

Как и всегда, Одри с раздражённым видом проигнорировала реплику бывшего мужа и снова обратилась к приёмному отцу Тодда:

– У тебя десять минут, Фред. Не больше. Я не допущу, чтобы моя дочь ждала его здесь дольше этого времени.

Лара подошла к матери. У Одри было чутьё в отношении многих вещей, её способности не ограничивались заколдованными платьями и включающимся светом. Мать могла чувствовать сердца людей – что было у них на сердце – по-настоящему, не внешний притворный лоск. Если кто и мог знать, был сейчас Тодд Саттон на пути к церкви или в соседнем штате, то только Одри.

– Ты что-нибудь видишь?

Мать лишь покачала головой.

– Ничего.

Но Лара знала, что та лжёт. *Почему?*

– Что ты от меня скрываешь?

– Ничего! – повторила мать, чуть не перейдя на крик. – Лара, я ничего не вижу.

– Ничего? – Лара демонстративно опустила взгляд на своё платье. – Неужели, матушка?

– Я не вижу *его*, Лара. – Вид у Одри был поникший. – Прости.

Невозможно. Ларина мать могла увидеть что угодно. Всякий проступок Тодда Одри чуяла по нему, как собака.

– Что это значит?

– Я не знаю. – Теперь Одри говорила совсем тихо.

Что-то переменилось в Ларе от этих слов – «Я не знаю». Всё это место для неё омрачилось. Она попыталась сделать глубокий вдох, но проклятый корсет не позволял дышать полной грудью. Лара схватилась за лиф, но тот не шелохнулся. Она сосредоточилась и принялась зачаровывать молнию, чувствуя, как расслабляются рёбра, освобождаясь от плотной ткани. Но тут она увидела Карен Джексон, подружку невесты, в платье из лавандовой тафты – та застыла в дверном проёме, разинув рот, ведь у неё на глазах свадебный наряд её подруги как будто расстёгивал сам себя невидимыми руками.

Ноги у Лары подкосились, она наткнулась на стоящую у стены фигурку Младенца Иисуса в колыбельке и потеряла равновесие. Карен потянула её к себе и усадила в учительское кресло, единственное – нормального размера. Лара начала выдёргивать веточки гипсофилы из причёски Карен: сначала только те, что падали слишком близко к её тёмно-карим глазам, потом ещё несколько около уха.

– Да на хрен эти гипсофилы! – наконец воскликнула Карен и дёргаными движениями повытаскивала оставшиеся веточки.

По какой-то причине этот абсурдный жест показался Ларе очень смешным. Такая нелепая ситуация, правда нелепейшая. Она низко наклонилась, практически опустила голову между коленей, чтобы не упасть в обморок. Надо было взять себя в руки.

– Что мне делать?

Карен была её лучшей подругой с утренней группы в детском садике. В детстве они вместе сидели на крошечных стульчиках в этой самой комнате. Карен присела перед ней на корточки и заглянула ей в глаза.

– Честно, не знаю. Но мы со всем разберёмся.

– Как он мог?..

Карен лишь покачала головой.

Через несколько минут Фред прокрался наверх и шёпотом, но достаточно громко, чтобы и Ларе было слышно, сказал её матери:

– Кажется, он не придёт.

– Нужно увести её отсюда. – Одри взяла Лару за руку. – Немедленно.

Лара с матерью шаг за шагом преодолели лестницу в вестибюль, её отец шёл за ними, отставая на две ступеньки. Первый раз в жизни Ларе пришлось опереться на перила. Дверь церкви открылась. Сердце Лары заколотилось в надежде, что это Тодд – но вместо него влетел шафер Чет Ладлоу с побагровевшим лицом. Первым делом Лара подумала, что он кошмарно подстригся для церемонии, и фотографии тоже будут кошмарные. Но тут она вспомнила – и у неё скрутило желудок. *Свадебные фотографии.* Сколько ещё таких моментов ожидает её в будущем – жестоких напоминаний о том, что не случилось сегодня. Вот-вот её мир поделится на «до» и «после».

Чет Ладлоу, похоже, не ожидал встретить такое скопление людей в вестибюле. Он повернулся к Ларе.

– Я искал его последние полчаса, клянусь.

– Ну и? – жёстко спросила Карен.

Чет порывисто мотнул головой.

– Нигде не могу его найти.

Лара не сомневалась, что он говорит правду. Она кивнула и толкнула створки готических деревянных двойных дверей с такой силой, какой не подозревала в себе раньше. Снаружи, по жестокой иронии, из-за лёгкого облачка выглядывало солнце. Услышав шаги на тротуаре внизу, Лара взглянула туда и увидела Бена Арчера, начальника полиции Керриган Фоллз. Он запыхался, форма у него на груди поднималась и опадала, как будто он изо всех сил торопился добежать.

В эту минуту глубочайшего личного унижения Лара надеялась избежать встречи с кем бы то ни было, не говоря уже о совершенно незнакомом человеке, но их взгляды встретились, и она ясно поняла, что Бен Арчер тоже не сообщит ей ничего нового.

Свадьбы сегодня не будет.

Глава 3

Керриган Фоллз, штат Вирджиния

10 октября 2004 года

Бен Арчер не сразу различил, что за звук он слышит, пока гудящий в виброрежиме мобильник не соскользнул с прикроватного столика на деревянный пол, треща, как заводная игрушка. А, так вот что его разбудило.

Он пошарил под кроватью, но не успел вовремя вытащить телефон – уже включилась голосовая почта. *Чёрт.* Звонил Дойл Хаггинс, его помощник. Бен терпеть не мог эти новые мобильные телефоны: практически невыносимо круглые сутки быть на связи с Дойлом.

Он перезвонил.

– Вообще-то шесть утра, Дойл. – Бен был дома один, но всё равно говорил тихо.

– Знаю. Подумал, вам стоит узнать сразу. Около часа назад нашли машину – машину Тодда Саттона.

Бен почувствовал комок в горле.

– Ты уверен?

– Ещё как, – сказал Дойл. – Это точно его машина.

– А сам Саттон?

Вчера Бен несколько часов разыскивал беглого жениха.

– Пока никаких следов, но я ищу.

– Где ты?

– А в этом и фигня, – Дойл как будто побаивался это произнести. – Я стою посреди Уиклоу-бенд.

Бен резко выдохнул.

– Скоро буду.

Он выбрался из тёплой постели и быстро оделся. Выпил кофе в круглосутке «7–11» и выехал из города через Шумхольдтский мост, откуда открывался потрясающий вид на Керриган Фоллз с высоты ста футов.

Городок Керриган Фоллз, находящийся в семидесяти минутах пути от Вашингтона, округ Колумбия, получил своё название в честь бурной и извилистой реки Керриган, которая текла на юг ещё шестьдесят миль. Известная своим каменистым дном и лесоповалами, перегораживающими ущелья, как завал соломинок «Пикси Стикс», река Керриган бежала вдоль Голубого хребта, громада гор возвышалась на горизонте над крошечными очертаниями города.

Керриган Фоллз окружала густая сырая зелень холмов сельской Вирджинии, края вина и лошадей: старые конные заводы и новые виноградники. В последние десять лет в эту местность стали стекаться туристы – их привлекал старомодный центр. Они скупали старые фермы и открывали антикварные магазины и книжные лавки под ретро. После войны в лучшие дни Керриган Фоллз в городе находилась фабрика «Пряной Коричневой Горчицы Золтана» и известный (или печально известный, в зависимости от конкретной истории) Цирк Марго. В прошлом году случился заметный сдвиг. Знаменитый шеф-повар из округа Колумбия открыл ресторан, который получил мишленовскую звезду. Прежние работники фабрики по производству горчицы сейчас держали номера с завтраком в беспорядочно отстроенных домиках в викторианском стиле, с заборчиками из штакетника и качелями на веранде.

Сам центр города выглядел точь-в-точь как декорации к фильму сороковых: навесы, здания из шлифованного камня, государственный театр, большие каменные церкви на углах улиц и кропотливо и самоотверженно отреставрированные дома-«викторианцы». В театре «Орфей» в субботу перед Рождеством до сих пор показывали фильм «Это замечательная жизнь», и зал всегда был переполнен. Странная, неестественная безупречность.

У Бена был собственный дом-«викторианец», где он всё ещё числился владельцем, хотя не жил в нём. По их соглашению о расторжении брака предполагалось, что Марла выкупит его половину, но она не проявляла ни малейшей заинтересованности. Тогда он принялся останавливаться перед домами с табличкой «ПРОДАЁТСЯ» и определять по фото, где агенты по торговле недвижимостью выглядят достаточно алчными. Любому нанятому ими агенту пришлось бы лавировать между его стремлением наконец продать дом и стойким нежеланием Марлы этим заниматься. Он взглянул на пассажирское сиденье, где лежал список номеров агентов по недвижимости вместе с маленьким стилизованным рисунком его дома: тёмные штрихи декоративных решёток, неровная крона миртового дерева, украшающая фасад.

По правде говоря, городок действительно был чересчур идеальным. Здесь ничего не случалось: ни перестрелок, ни ограблений, ни даже мелких краж. Бен Арчер был едва ли не посмешищем на любом собрании полицейских или на съезде Содружества Штата Вирджиния. В «Вашингтон Пост» написали статью о «феномене Керриган Фоллз» в прошлом году в разделе «Стиль». *(Почему «Стиль»?)* Если покопаться в архивах, что Бен делал много раз, то последнее убийство в черте города было в 1935 году. Обычные убийства, самоубийства и столкновения машин на шоссе происходили в соседних округах, но никогда не пересекали границу, словно избегая причинять неприятности округу Керриган. Но всё же было одно дело…

Это «одно дело» нынешним утром не выходило у Бена Арчера из головы.

Сразу за мостом машина Бена приблизилась к крутому повороту дороги – это и был Уиклоу-бенд. За поворотом начиналась полоса деревьев, которая вела к странному участку земли, соответственно носившему название Уиклоу-форест, лес Уиклоу. Ночью, особенно летом, за густой сенью высоких деревьев сложно было увидеть луну. Даже сейчас в лесу оставалось много ярко-жёлтых и красных листьев.

Бен подъехал сзади к патрульной машине Дойла. Стоило ему сделать шаг из машины, как он наступил в глубокую шоколадно-коричневую лужу грязи.

– Вот дерьмо!

Дойл Хаггинс махнул на землю.

– Зря я вам не сказал здесь не парковаться.

Помощник опирался на свой «Крузер». Дойла Хаггинса – шесть футов два дюйма ростом, мускулистого, с глазами навыкате – никто никогда не назвал бы привлекательным. Он указал рукой на машину:

– Команда газовой службы нашла сегодня утром.

Вот она. Белый, с тёмно-синими полосами по центру, «Мустанг» Тодда Саттона стоял, накренившись, наполовину на дороге, наполовину в кювете. Бен искал эту машину сегодня до двух ночи, пока наконец не сдался и не рухнул спать. Господи, страшно было звонить Ларе Барнс с такими новостями. Уже пошли слухи, что на этой машине Тодд сбежал вчера со своей свадьбы, но то, что её нашли здесь брошенной, меняло дело.

– Эти долбаные газовщики чуть в неё не врезались. Документы Саттона в бардачке.

Дойл что-то писал, как будто на самом деле пытался делать заметки.

– А сам Саттон? – Бен наклонился посмотреть, что там строчит Дойл, предполагая, что это список покупок.

Дойл покачал головой.

– Никаких следов.

– Обзвони больницы. Посмотри, не показывался ли он там. Я позвоню его родителям.

– Кто-то должен сказать Ларе Барнс.

– Я займусь, – огрызнулся Бен.

– Ясно. – Дойл сплюнул на землю. – Красивое авто. – Он слегка хрипел. Поскрипывая ботинками, он подошёл к Бену и встал за ним. – Водитель газовщиков сказал, оно 1977 года. Он в таких штуках разбирается.

– 76-го, Дойл, – поправил Бен. – «Форд Мустанг Кобра», второе поколение. В «Ангелах Чарли» такую водила Джилл Монро.

– Это, блин, что, девчоночья тачка? – Дойл сердито посмотрел на кузов автомобиля.

– Это классика, Дойл. – Помощник этим утром как будто нарочно его бесил. Бен глянул в сторону белого березняка за Уиклоу-бенд. Там было тихо, даже пугающе тихо, как будто лес затаил дыхание, ожидая, пока они уберутся прочь, чтобы после снова обрести покой.

– Вы искали там в лесу тело?

– Ну, слегка, – отговорился Дойл. – Надо всё-таки начинать масштабные поиски. Нам, наверное, понадобятся волонтёры.

– Ладно. Я позвоню в полицию штата, проверю, пришлют ли нам кого-то, но постарайся собрать команду, чтобы приступить к поискам сейчас. – Бен поднял глаза на поднимающийся за ними пролёт Шумхольдтского моста.

Уиклоу-бенд был из тех мест, которые называют магическими. Даже стоя на этом повороте в одну восьмую мили, Бен ощущал его странное притяжение. Именно поэтому многие люди не ездили здесь, предпочитая трассу между штатами – то есть лишние шесть миль в сторону, только бы не попасть на этот небольшой участок. К концу Второй мировой войны с Уиклоу-бенд открывался подъезд к офису Цирка Марго, но когда цирк в начале семидесятых закрылся, старая дорога заросла, и леса поглотили все следы. От отца Бен знал, что многие богобоязненные обитатели округи в то время ненавидели цирк и в своих приходах выступали с проповедями против него.

Сейчас, осенью, лес служил пристанищем пьяным смельчакам. Дети подбивали друг друга провести всего одну ночь в лесу Уиклоу. Ходили всякие жуткие байки – например, о мужчине, который якобы привязал к дереву двух своих невоспитанных собак до тех пор, пока не заберёт свой грузовик, а утром нашёл только кости. Бен считал, что собак, скорее всего, прикончило переохлаждение и голодные дикие животные, но в первую очередь задавался вопросом, какой урод может привязать своих собак к дереву в лесу. С каждым годом историй об этом месте и идиотских подначек становилось всё больше.

Бен подошёл к машине.

– Не хочешь снять отпечатки пальцев? И посмотреть, нет ли здесь где-нибудь крови или волос? У тебя же должен быть с собой набор, нет? Если нет, у меня в багажнике что-то завалялось.

– А эти, из штата, не взбесятся потом? В смысле, я в жизни не снимал отпечатки пальцев. Мы вообще не снимаем отпечатки пальцев, Бен. Нам незачем было.

Дойл полез в задний карман и извлёк банку табака «Копенгаген». Бену показалось, что он целую вечность отвинчивал крышку.

– Просто следуй инструкции на наборе, – впрочем, Бен совершенно не хотел, чтобы его помощник и тут напортачил. – Ладно, неважно. Просто принеси его сюда, и я сниму эти проклятые отпечатки сам. Надо выделить круг вот отсюда к этому дереву и ещё подальше вон к тому и обыскать его дюйм за дюймом. Высматривай что угодно необычное.

Бен достал пару одноразовых перчаток из багажника и принялся искать внутри «Кобры» ключи от машины. В замке зажигания их не было. Он посмотрел под напольными ковриками. Ничего.

– Дойл, ты находил какие-нибудь ключи?

Помощник возник в пассажирском окне.

– Нет.

– Да ты хотя бы посмотрел? – пробормотал Бен себе под нос и сделал несколько глубоких вдохов, пока обходил багажник «Кобры» глянуть, можно ли открыть его вручную, но вернулся ни с чем.

Он забрался на заднее сиденье и испытал облегчение, не учуяв запаха разложения. Он сейчас был не в том состоянии, чтобы найти труп. Бен подтянул сиденье и тщательно осмотрел изнутри багажник, светя себе фонариком. Там было пусто.

– Я там уже смотрел, – сказал Дойл. – Там ничего нет, шеф.

– Ты мог бы сказать заранее, Дойл.

– Вы не спрашивали. – Он невозмутимо пожал плечами.

На пассажирской стороне у переднего сиденья по полу были разбросаны кассеты «Guns'n'Roses' и «AC/DC», а на самом сиденье валялась скомканная обёртка из «Бургер Кинга». Бен проверил дату на чеке: *«9 октября 2004 года, 11:41».* Утро свадьбы.

Бен захлопнул дверь машины и обошёл место со всех сторон. Что он упускает в её местонахождении?

– Почему же именно *здесь*?

– Ну так это непростой участок дороги, шеф, сами знаете.

Дойл был прав. Другой известный случай – Питер Бомонт, музыкант – пропал без вести в 1974-м. Даже если люди не помнили его имя или ещё не родились, когда это произошло, история Питера Бомонта лежала в основе всех легенд, связанных с Уиклоу-бенд. Он пропал ровно на этом месте, нашли его «Нову»: заведённую, с четвертью бака бензина. По радио громко играла станция «99.7 K-ROCK», и водительская дверь была открыта.

Но Дойл не знал о ещё одном сбивающем с толку обстоятельстве, поскольку о нём не упоминали в газетах. Бен Арчер припомнил день, когда здесь появился коричневый «Шевроле» Питера. Было необыкновенно тёплое для осени утро. Бен увязался вместе с отцом, начальником полиции, и до сих пор мог наглядно представить себе эту машину. Саттонская «Кобра» второго поколения не просто стояла на том же самом месте, но ещё и под тем же самым углом, как будто её так установили нарочно.

Дойл, пока они не вернутся в офис и не вытащат досье Бомонта, также не сможет выделить ещё одну общую деталь, объединяющую этих двоих. Другую брошенную машину – машину Питера Бомонта – нашли здесь 10 октября 1974 года.

Ровно тридцать лет назад, день в день.

Глава 4

Керриган Фоллз, штат Вирджиния

20 июня 1981 года

Они смотрели на неё сверху вниз.

– Я, кажется, испачкался в траве? – Мужчина приподнял колено. – Ты представь себе!

– С тобой этого ни разу не случалось? – Женщина внимательно изучила ткань.

– Где бы я мог? – Мужчина говорил короткими предложениями, словно разговаривал с идиотом.

– Ну мне откуда знать? – Женщина держала над головой зонтик от солнца. Она присела на корточки и коснулась Лариного лица, Лара отражалась в зеркальных стёклах её солнечных очков. – Ты думаешь, она упала в обморок?

– *Elle n'est pas morte,* – сказал мужчина.

Он не знал, что Лара прекрасно говорила по-французски.

– Я вас понимаю, знаете ли. Я точно не умерла.

Он сверкнул улыбкой.

– О, какая умница.

До того как появились эти двое, Лара стояла в поле и скармливала морковку своему любимому коню. Сегодня мама разрешила называть его Гомесом Аддамсом. Она довольно часто меняла имена лошадей. Вне зависимости от своей клички, конь неизменно громко чавкал, обнажая зубы, и Лару это смешило. Тогда она их и углядела – странного вида пара шла к ней с середины поля.

За городом они выглядели совершенно неуместно. Сначала Лара подумала, что это бывшие артисты из Цирка Марго. Летом они часто ностальгировали по старым временам и навещали её прабабушку. Она пригляделась к ним. Обычно бывшие циркачи не приезжали в сценических костюмах, но с ними никогда не угадаешь, они бывали очень странными. Когда пара подошла ближе, чтобы посмотреть на неё, Лара разобрала, что для артистов Цирка Марго они слишком молоды.

Мужчина был высокий и худощавый, красивый, в белой свободной рубашке и светло-коричневых брюках. Рядом с ним шла блондинка с зонтиком от солнца. Она говорила с лёгким южным акцентом и носила розовый костюм, расшитый блёстками. У неё были длинные ноги, как у танцовщицы из Лас-Вегаса. Лара только недавно видела по телевизору повтор сериала «Старски и Хатч», где герои были в Лас-Вегасе, и эта незнакомка напоминала женщин оттуда. Костюм у неё был необыкновенно красивый, самый красивый, какой Лара когда-либо видела. Двое, кажется, ссорились – Лара расслышала, что женщина повышает голос.

Следующим логическим умозаключением Лары было, что это какие-то друзья-музыканты её отца. Ударники вечно менялись один за другим. У мужчины были волнистые волосы до плеч, как у звёзд на обложках альбомов в отцовской коллекции пластинок. Но он целенаправленно шёл именно к ней. А почему не по дороге? Когда они подошли ближе, Лара не смогла различить их глаза за одинаковыми круглыми стёклами солнечных очков. Мужчина остановился и склонился к скату холма. Он, кажется, запыхался.

– Вы ищете моего отца? – Лара ладонью заслонила глаза от солнца, чтобы лучше их видеть.

– Нет, глупышка, – улыбнулся он. – Я искал вас, мисс Лара Барнс.

– Лара *Марго* Барнс, – поправила Лара и сложила руки перед собой, чтобы показать, что говорит серьёзно.

– О, как мило. – Дама повернулась к мужчине. – Ты это слышал?

– Естественно, я это слышал, Марго. Я же стою здесь, как и ты, правда?

Женщина фыркнула достаточно громко, чтобы Гомес Аддамс поднял голову.

Мужчина говорил с французским акцентом, как прабабушка Сесиль. Дама – стопроцентно с южным, как Ларина мама. Странное сочетание. И странная пара.

Когда она осмотрела их обоих, горизонт вдруг изогнулся и пошёл рябью, как мерцающий воздух в сильную жару. Лара яростно заморгала, чтобы убедиться, что ей это не мерещится. Мир начал вращаться, и она обнаружила, что её ноги подгибаются и она сползает на землю, как в тот раз, когда притворялась мёртвой, после того как её застрелили из игрушечного пистолета.

Открыв глаза, она поняла, что лежит на траве и глядит снизу вверх на любопытную парочку.

– Она знает? – Женщина взглянула на своего спутника.

Он ответил с заметным раздражением:

– Конечно, нет.

– Что знаю? – Лара приподнялась на локтях. Она слышала о людях, которые похищают детей, но эти двое были не очень-то похожи на похитителей. Лара сообразила, что сможет легко обогнать женщину, которая в поле зачем-то надела высокие каблуки.

По крайней мере перед глазами у неё больше не плыло, и голова перестала кружиться.

– Что ты особенная. – Он улыбнулся. – Но, естественно, ты это уже знаешь, правда? – Его голос как будто поддразнивал её. – Кое-чья магия только что пробудилась.

О чём он? Какая магия?..

– Помню, как моя магия пробудилась. – Женщина прикрыла глаза, как будто смакуя воспоминание. – Я могла включить радио, не касаясь его. *Maman* ужасно бесилась. – Она склонила голову, как будто Лара была зверьком, выставленным в зоопарке. – Она тоже прелестный ребёнок. Тебе не кажется, что она похожа на меня?

Мужчина с недовольным видом закрыл глаза.

– Ну почему я беру тебя с собой?

– Потому что я твоя любимица, и ты это знаешь. – Она снова заботливо коснулась щеки Лары. – Она точно та самая.

– О, я не сомневаюсь, что она та самая. – Мужчина напоследок склонился над Ларой. – На сей раз я об этом позаботился. Запомни, дорогая моя девочка. У нас на тебя большие планы, Лара Барнс. Этот мальчик в твоём будущем – он не твоя судьба.

– О, она и не вспомнит. – Женщина коротко брезгливо вздохнула. Её вздёрнутый нос и пухлые губы придавали ей вид кинозвезды. – Она будет думать, что *любит* его. Мы всегда так думаем.

– Боюсь, что так, – сказал мужчина и стянул солнечные очки – и Лара увидела его глаза. Они были цвета янтаря, и её зацепило что-то странно знакомое. Она не сразу смогла вспомнить. У него были горизонтальные зрачки, как у того козла, которого прошлым летом держали на ферме. Она никогда не понимала, смотрит ли тот козёл на неё, и сейчас чувствовала то же самое – желание обернуться и проверить, на что он уставился.

– Любовь. Проклятие моего существования. – Он с сожалением покачал головой. – И, к несчастью, в генах этой девочки это тоже заложено. – Он бросил взгляд на женщину.

– Я не виновата. – Женщина сидела на корточках на своих высоких каблуках, и они были абсолютно чистыми, ни пятнышка грязи.

Лара задумалась, видит ли их кто-то ещё, помимо лошадей, и осмотрелась. Вокруг тихо покачивалась трава. Вдалеке хлопнула входная дверь.

– Однажды, – сказал мужчина, – я снова найду тебя, Лара Барнс.

Он коснулся кончика её носа, и Лара опять потеряла сознание. Когда она очнулась пару минут спустя, мужчина и женщина уже исчезли.

Глава 5

Керриган Фоллз, штат Вирджиния

10 октября 2004 года

Лара проснулась среди ночи и увидела над своей кроватью мягко развевающуюся занавеску. Когда они вернулись домой из церкви, она выпила таблетку снотворного и милосердно провалилась в сон. Лара посмотрела на часы: 5.52 утра. Она провела без сознания почти двенадцать часов. Всё в день её свадьбы пошло не так, как она планировала. Она выскользнула из постели и прокралась на первый этаж.

Перед тем как отключиться, она смутно слышала, как звонят телефоны и хлопают двери. Она отчасти ожидала, когда проснётся, увидеть у своей кровати Тодда с какой-нибудь безумной байкой о том, как он напился в лесу или упал в колодец. Она оглядела комнату. Ничего, даже записки.

Вообще ничего? Неужели он действительно не приходил?

Лара на цыпочках прошла в столовую и принялась искать хоть какой-нибудь признак того, что он звонил, пока она спала, – хотя бы короткую записку от матери о том, что «этот мальчишка» оставил сообщение. Ничего. В доме стояла тишина. Это было просто немыслимо. Наверняка произошла какая-то ошибка, есть некое логическое объяснение. Она не простит его, не в этот раз, но, по крайней мере, он должен как-то объясниться с ней, раз так нагло обманул её надежды в день их свадьбы. В этой тишине чувствовалась необратимость, как будто Лару все забыли и покинули.

В столовой свадебные подарки в серебристой упаковочной бумаге в беспорядке валялись на столе. Раньше они были сложены аккуратной горкой, и Лара задумалась, с какой целью мать могла их расшвырять. Одри, всё ещё в синем халате, спала в гостиной в кресле с подлокотниками при включенном свете. Перед сном она читала и не потрудилась даже снять плотный слой свадебного макияжа.

Лара осторожно пробралась через коридор, мимо чёрно-белых семейных снимков и фото призовых коней – и портрета прабабушки, стоящей на спине лошади. Проходя мимо него, она обратила внимание на деталь – колье. Она потянулась к собственной шее. На ней ничего не было. Отпечаток колье всё ещё чувствовался на ключицах, Лара не помнила, как снимала его, но очень многие события после того, как она покинула церковь, тонули в тумане. В какой-то момент она, видимо, взаимодействовала с матерью, потому что теперь вместо свадебного платья была одета в длинную хлопковую ночную рубашку без рукавов, как из другой эпохи.

На улице на Лару моментально налетел порыв ветра. Руки покрылись гусиной кожей, и она быстро растёрла предплечья. Она пошла в поле, где подростком столько раз сидела с Тоддом. Усевшись на мягкой траве, она подумала, что в этом есть что-то утешительное – снова оказаться здесь. Как в старые добрые времена.

Обычно мать вставала в пять утра, так что животные беспокойно шевелились, ожидая, когда Одри их покормит. Их выжидающее внимание обратилось к Ларе.

В высокой траве за спиной Ларе померещился шорох. Она неудобно изогнулась, чтобы разглядеть, что там.

– Тодд?

Но там, где она ожидала увидеть его высокую фигуру, лишь мягко покачивались травинки.

Снова послышался звук движения – она обернулась в надежде, что Тодд появится из-за деревьев. Здесь и раньше появлялись таинственные вещи – и таинственные люди, но сейчас она приветствовала их. Она даже видела их во сне прошлой ночью.

В долине была пора позднего урожая, и Лара знала, что утром сезонные рабочие с ближайших виноделен выйдут на смену, спеша собрать дозревающий виноград. Ожидая услышать шум заводящегося трактора и крики и смех ранних сборщиков, она подтянула под себя ноги и встретилась глазами с высоким гнедым конём – тот глядел на неё из своего загона. Время как будто остановилось. Даже в доме всё выглядело как серия «Сумеречной зоны», где все заснули глубоким сном, и только одна бодрствующая Лара осталась бродить по земле.

Она не знала, как долго просидела там, пока на подъездной дорожке не захрустел гравий и не блеснул яркий свет фар. У Лары перехватило дыхание. *Тодд! Слава богу.*

Это был всего лишь ужасный кошмар.

Но из-за деревьев появился не знакомый белый «Мустанг» Тодда, а тёмный «Джип Чероки». Она уже видела эту машину. Дверь открылась, появился силуэт мужчины. По тому, как тяжело он положил руку на крышу машины, прежде чем обойти её кругом, Лара поняла: кем бы он ни был, он привёз плохие новости.

Она вскочила и побежала вниз с холма, забыв, что на ней одна тонкая хлопковая ночнушка. Должно быть, это было пугающее зрелище: девушка выскочила с поля, светлые волосы всклокочены, макияж потёк.

– Вы нашли его?

Лицо показалось знакомым, и спустя минуту Лара узнала мужчину. Бен Арчер, начальник полиции.

Он немедленно снял куртку и накинул Ларе на плечи.

– Давно вы здесь? Тут дикий холод.

Лара безучастно взглянула на поле. Стало намного светлее с того момента, как она вышла наружу. Она уже могла различить вдалеке очертания гор.

– Я не знаю. С полчаса. Мне как будто что-то послышалось.

– Господи, Лара! – Лара повернулась на голос и увидела в дверях дома мать: та куталась в халат.

– Я нашёл её здесь.

У дома мать схватила Лару за руку и, направляя её, повела с крыльца через дверной проём.

Когда они вошли в дом, начальник полиции не стал проходить дальше лестницы.

– Мы нашли машину Тодда.

Комната вокруг начала вращаться, и сама Лара тоже пошатнулась. В один миг возникло множество мыслей. Какие вопросы задавать? Сидеть или стоять? Ей понадобятся платки? Как будто вечность прошла, прежде чем она поняла, что он произнёс *машину Тодда.* Не *Тодда*. Бен не сказал, что Тодда нашли мёртвым.

– А что с Тоддом? – Одри взяла дочь за плечи.

– Он ранен? – добавила Лара почти с надеждой – ведь другой вариант был бы гораздо хуже.

Бен покачал головой.

– Его самого нигде нет.

– Что значит «нигде нет»? – спросила Одри. Она говорила с таким нажимом, что Лара обернулась к ней. Несмотря на то что раньше Одри всё отрицала, *ей что-то было известно.*

– Мы позвонили в полицию штата. – Бен Арчер нервно потёр загривок. – Они заберут машину и проведут анализ.

На его уставшем лице виднелась тень щетины. Он сцепил руки перед собой, как гробовщик на незапланированных похоронах.

Ларе пришло в голову, что в Керриган Фоллз ему, вероятно, никогда не приходилось сообщать плохие новости, так что опыта у него не было. Здесь не случалось ничего плохого. До этого дня.

– Поэтому я и хотел сюда приехать и поговорить с вами, – продолжил Бен, – дело в том, что его машину отбуксируют на платформе через весь город. Люди заметят. Будут болтать… – Он запнулся. – Я просто хотел вас как-то подготовить. Теперь я должен сказать Фреду и Бетти.

– Они что, ещё не знают? – Лара в шоке прижала ладонь ко рту. Она представила себе, как воспримет эту новость Бетти Саттон.

Бен покачал головой.

– Я сразу приехал сюда.

– Где её нашли? – спросила Одри взвинченным и тонким голосом, как будто предполагала получить какой-то конкретный ответ. – Машину?

Лара напряжённо всматривалась в лицо матери, пока ещё не зная, какие признаки она ищет.

Бен помедлил.

– Уиклоу-бенд.

Глаза Одри расширились, но не от удивления. Лара мысленно отметила это. Мать и Бен Арчер как будто разделяли некое негласное знание. На упоминании Уиклоу-бенд из Одри словно вышел весь воздух.

– Понятно.

– Стоп! Тот участок дороги с привидениями – туда ещё детям запрещают ездить? – Лара взглянула на Бена. – Тот самый Уиклоу-бенд? Господи, но как там оказался Тодд? – Лара с подозрением следила за матерью. Одри полностью побледнела и чуть ли не дрожала. – Что вы от меня скрываете?

– Сегодня исполнилось тридцать лет с того дня, – сказала Одри Бену. – Ты ведь это помнишь?

– Я там был, Одри. – Бен убрал руки в карманы и сделал вид, что заинтересовался своими ботинками. – Это было в папин день рождения. Он всегда брал меня с собой прокатиться в полицейской машине.

– Ох, вечно я забываю о твоём отце. – Вид у Одри был уставший. – Но ты тогда был всего лишь мальчишкой.

– Да о чём вы оба говорите? – Лара переводила взгляд с одного лица на другое. – Вы не нашли Тодда. Это хорошо, нет?

Бен замялся, словно собирался растолковать печальные новости ребёнку.

– Давно, в 1974 году – десятого октября, если точнее, – мы нашли на дороге брошенную машину. Она принадлежала человеку по имени Питер Бомонт. Если совсем честно, машину Тодда сегодня обнаружили ровно на том же месте.

– Эту легенду мы все слышали, – кивнула Лара. – Вы хотите мне сказать, что это правда произошло?

– Да, – мягко сказала Одри. – Питер Бомонт был лучшим другом твоего отца.

– Но Тодд не имеет никакого отношения ни к Уиклоу-бенду, ни к тому пропавшему человеку.

– Питер Бомонт – не просто «тот пропавший человек», – возразила мать с неожиданным раздражением, нервно подтянув к шее воротник халата. – Они с твоим отцом росли здесь вместе. Они вместе создали свою первую группу у Джейсона в гараже.

Лара растерялась. Хотя она знала, что нельзя ездить по дороге через Уиклоу-бенд ночью – никто так не делал, но никогда раньше не слышала имя Питера Бомонта. Дети рассказывали страшные истории об Уиклоу-бенд, но к ним не прилагалось имён. Это был безымянный призрак… некий пропавший. Ларе и её друзьям и в голову не приходила мысль, что там на самом деле мог пропасть какой-то живой человек. Это была всего лишь старая легенда. И ещё – что за Питер Бомонт? Лара провела с группой отца на гастролях год. Никто не разбирался в его музыкальной карьере лучше, чем она.

– Однако ни один из вас никогда не упоминал его имени.

Это было резкое замечание, специально чтобы задеть, но она не могла до конца разобраться в том, почему это открытие так её беспокоит.

– Мне нужно ехать к Саттонам, – сказал Бен извиняющимся тоном.

– Конечно, – согласилась Одри, забрала с плеч Лары куртку и отдала ему.

Он уже коснулся дверной ручки, но обернулся.

– Простите, Лара. Мне жаль, что у меня нет для вас лучших новостей.

– Вы продолжаете поиски Тодда?

– Разумеется, мы его ищем, – сказал Бен, – Дойл с командой обыскивают леса. Но…

– Что «но»?

– Питера Бомонта так и не нашли. – Мать закончила предложение за него.

– Да, всё верно. Строго говоря, дело Бомонта всё ещё открыто. – Бен нервно постучал пальцем по входной двери.

Смысл того, на что они намекали, настигал Лару постепенно. Не какое-то недоразумение с её свадьбой. Они имели в виду, что она может никогда больше не увидеть Тодда. Глаза защипало, и она зафиксировала взгляд на точке на стене, чтобы не заплакать.

– Я буду на связи. – Бен кивнул Одри. Лара заметила толстый слой грязи на его форменных брюках и тёмные круги у него под глазами. У него тоже будет долгий день. За это она была ему признательна. Он выглядел таким несчастным, как она себя чувствовала.

Отвернувшись от двери, Лара увидела отца – тот стоял в дверном проёме и слушал весь их разговор. Вполне логично было, что после случившегося на свадьбе Джейсон захотел остаться ради дочери, но Лара не знала, что он тоже здесь.

– Полагаю, ты всё слышал. – Одри провела по волосам растопыренными пальцами, будто в попытке успокоиться.

Внутри Лары нарастал гнев – она не знала, почему.

– Почему вы оба никогда не упоминали при мне Питера Бомонта?

Имя, которое она никогда не слышала до сегодняшнего дня, в одночасье стало важным. Теперь Питер и Тодд как будто были связаны одной судьбой.

– Я не мог говорить о нём. – Джейсон сосредоточился на Одри.

Лара вдруг поняла кое-что. Какой же глупой она была. Она повернулась к матери.

– Ты знала.

Общая кровь в их жилах говорила ей об этом.

– Ты пыталась отговорить меня выходить замуж вчера. Это был тот самый день? Ты знала, что в этот день что-то случится.

– Считается, что Питер на самом деле пропал девятого числа, только машину нашли на следующий день. Я ненавидела эту дату. – Мать тяжело вздохнула. – Я надеялась, что ошибаюсь.

Лара смерила её недоверчивым взглядом и рассмеялась.

– Ты никогда не ошибаешься!

– Да, – признала Одри. – Обычно нет, но, ради твоего блага, лучше бы я ошиблась.

Глава 6

Керриган Фоллз, штат Вирджиния

20 июня 2005 года (через девять месяцев после свадьбы)

После того как Тодд не появился на свадьбе – разбил их союз, пропал без вести, бросил свою невесту, ударился в бега, был похищен инопланетянами, подставить на выбор любую другую безумную теорию, – Лара задумалась, не переехать ли из Керриган Фоллз.

Она не была готова к последствиям. Сначала появились люди, которые предполагали, что между исчезновениями Тодда Саттона и Питера Бомонта есть связь.

Репортёры стояли лагерем на Уиклоу-бенд, как будто ждали чьего-то появления из-за деревьев. Они преследовали Лару, пытаясь взять интервью о том, как она видела Тодда в последний раз, и узнать, верил ли он в сверхъестественное. Телешоу «Призрачные события» прислало команду «охотников» для съёмок эпизода под названием «Дьявольский поворот», который получил больше всего просмотров в сезоне. Из-за этого ей начали круглые сутки трезвонить истинные адепты потусторонних сил. Лару так пугало их пристальное внимание, что она не стала противиться настойчивому предложению Одри остаться пожить на фермах Кабо. Когда чужие машины стали среди ночи подъезжать к дому, Одри поставила ворота у подножия холма, а потом поменяла номер телефона. Лара днями напролёт читала гороскопы, смотрела мыльную оперу «Главный госпиталь», пила шардоне и делала расклады таро для Карен и Бетси – подруги навещали её, как старшеклассницу на больничном с мононуклеозом. Их с Тоддом квартира пустовала. Лара не могла спокойно видеть эти стены без него. Радиостанция дала ей месяц отпуска.

Потом возникли те, кто считал, что Тодд просто бросил её. В некотором смысле они были ужаснее всех. Всплыло множество слухов, мол, его видели в день свадьбы в аэропорту Даллеса, мнимых свидетельств того, что Тодд улетел куда-то к новой жизни. Если эти люди видели Лару в магазине, где она покупала полуфабрикаты, они разворачивали тележки посреди прохода, чтобы избежать разговора и не заразиться её несчастьем. Тогда она начала ходить за покупками подальше от жалостливых взглядов, в круглосуточный магазин на шоссе в двадцати милях от города, в три часа ночи мирно бродя с тележкой среди пьяниц и обкуренных студентов с упаковками чипсов под мышкой. Затем ежедневный номер газеты «Керриган Фоллз Экспресс» начал пропадать из почтового ящика. Лара в ярости дозвонилась на горячую линию, но узнала лишь, что Карен по просьбе Одри каждое утро проездом забирает утренний номер, чтобы Лара не увидела очередную статью журналистки Ким Ландау об исчезновении Тодда. Доброжелатели обклеили плакатами «РАЗЫСКИВАЕТСЯ» весь Керриган Фоллз, как будто Тодд – какой-то кот, который так и не вернулся с ночной прогулки. Прошёл сбор денег. На что – Лара так и не поняла.

Что же думала она сама? Никому не хватало смелости спросить её.

Если бы её спросили, в зависимости от дня, а то и часа Лара разрывалась между двумя лагерями – двумя существующими теориями. Она словно застыла в подвешенном состоянии. Тодд, безусловно, мог погибнуть, но часть Лары не хотела об этом думать. Отказаться от него было равноценно предательству. Было заманчиво попасться на крючок загадочной истории Тодда Саттона и Питера Бомонта со сложным магическим сюжетом вокруг Уиклоу-бенд. Согласно этой теории, Тодд был жертвой, а не бросившим её негодяем. Лара встречала истории, в которых брошенные возлюбленные сами были авторами таких фантастических предположений, – и помнила, какими отчаявшимися и глупыми они выглядели, когда теории оказывались несостоятельными. Она бы не вынесла ещё одного позора. Достаточно и свадьбы.

Лара более чем верила в бритву Оккама. Официально она заняла определённую позицию, которая привела её к разногласиям с семьёй Тодда – те продолжали нести дежурство на

Уиклоу-бенд. Нет, он бросил её. Просто-напросто. Но даже в таком случае оставался вопрос: где же он? Его пустая машина, найденная на следующее утро, портила эту стройную теорию. Тодд мог бросить невесту, но любой, кто его знал, согласился бы, что он в жизни бы не оставил свою машину.

После несостоявшейся свадьбы Лара начала брать больше штатных ночных смен на радиостанции, где уже давно работала в ночь только по выходным. Ей нравилось подбирать саундтреки для своих товарищей по ночной работе – дежурных в больнице, барменов, охранников. Через месяц после свадьбы вместе с зарплатой ей выдали извещение для сотрудников «99.7 K-ROCK»: владельцы выставили радиостанцию на продажу. Что-то в ней дрогнуло, когда она читала объявление на синей бумаге. Сотрудникам «99.7. K-ROCK» сообщали, что «хотя никаких немедленных изменений не ожидается, другой владелец имеет право изменить формат». Это означало, что «99.7 K-ROCK» может стать обычной кантри-радиостанцией и все они потеряют работу. Лара восприняла это как знак.

Ларин дед, Саймон Уэбстер, основатель газеты «Керриган Фоллз Экспресс», оставил ей половину своего состояния – не такого большого богатства, как считал он сам, но вполне достаточной суммы, чтобы купить радиостанцию с начальной ценой в двести тысяч долларов. Увидев такую возможность, Лара узнала у отца, согласится ли он управлять радиостанцией с ней вместе.

Неделей спустя она увидела, что на четырёхкомнатном кирпичном «викторианце» 1902 года постройки, который они с Тоддом присмотрели перед свадьбой, до сих пор висит табличка «продаётся». Они мечтали вместе его отремонтировать. Дом с большой верандой, роскошной отделкой из дерева, мраморным камином и французскими застеклёнными дверями стоил сорок тысяч долларов. Также в нём были разрушенные полы, окна с огромными щелями и неработающая кухня. Ларе удалось договориться о цене на пять тысяч меньше первоначальной суммы за день до того, как она купила активы радиостанции.

Она знала, что оба этих решения были приняты импульсивно, но ей нужно было увеличить дистанцию между собой и сорвавшейся свадьбой. Всё это: непрерывное движение, ночные смены, полуразрушенный дом – занимало её время и силы и мешало ей думать. Лара закрылась в доме в январе, и после пяти месяцев, в которые она шкурила стены, красила, вытаскивала гвозди, заменяла рассохшиеся рамы аутентичными, меняла старую систему отопления, незаживающая рана в её сердце больше не вспыхивала болью от малейшего упоминания о Тодде.

Обследуя стихийное бедствие на месте пола в своей столовой, Лара серьёзно задумалась о том, чтобы нанять профессионала. Она с энтузиазмом бросилась самостоятельно циклевать сосновые полы. Естественно, кондиционера в доме не было, и ближе к лету Лара всё чаще подумывала о покупке нескольких подоконных. На прошлой неделе из-за резкого потепления ей пришлось спать в луже пота.

Мать в последнее время носилась с ней и каждый день приезжала на радиостанцию или домой под предлогом полезных советов по ремонту, привозя с собой образцы краски и ковров.

Дверь открылась, и Лара пожалела, что дала матери ключи, когда два крупных оранг-эрдельтерьера, Оджоб и Манипенни, резвясь, влетели в гостиную и, изображая из себя грозных зверей, с оглушительным лаем забегали кругами вокруг шлифовального станка. На удивление старые собаки вели себя как щенки. Лара могла поклясться, что помнит их с детства, но Одри настаивала, что это были другие собаки с теми же именами. Она слышала, что люди так поступают. Лара быстро отключила станок и сняла защитные очки и респиратор. Мать стояла в прихожей: с одной стороны под мышкой картина, с другой – чехол с какой-то одеждой.

– Что это? – Лара скрестила руки. При каждом её движении с джинсов, футболки и «конверсов» осыпались дождём мелкие опилки.

Одри протянула ей оба предмета.

– Это твоё платье для приёма и портрет Сесиль. – Она с ужасом осмотрела комнату. – Ох. Тебе правда надо нанять рабочего.

Лара не собиралась сознаваться, что у неё возникали те же мысли. Отмахнувшись от матери перчаткой, она наклонилась погладить собак.

– Я многому научилась благодаря тому, что делаю ремонт сама.

– Научилась? Хоть Карен позови помочь тебе *учиться*. – Голос Одри пропутешествовал по коридору и вернулся.

– У неё в кофейне свои тонны строительной пыли.

– Ах да, я слышала, она тоже подалась в малый бизнес.

Мать была против того, чтобы Лара приобретала станцию и этот дом, вместо этого предлагая ей вернуться домой навсегда. Одри перевернула раму – показался портрет Сесиль Кабо, стоящей на спине белого скакуна на арене Парижского цирка.

– Думаю, она идеально впишется в твою столовую.

– Ты же любишь эту картину. – Ларин взгляд немедленно приковало колье на шее Сесиль. Каким бы щедрым подарком ни была картина, само полотно волновало Лару мало – она боялась, что оно будет служить вечным напоминанием о *том* дне.

– Очень люблю, – согласилась Одри, поворачивая картину к свету.

Лара осторожно обошла рассыпанные везде древесные стружки и прислонилась к косяку у двери столовой, уводя собак подальше от строительной пыли.

Одри вручила Ларе чехол и двинулась по комнате с картиной, примеряясь с ней к каждой стене в поисках желаемого эффекта.

Лара вздохнула.

– Очень грустной картиной ты меня одариваешь.

– Не глупи.

Одри была ниже Лары и тоньше в кости, её светлое короткое каре никогда не меняло длину, как будто за ним ухаживали ночью, пока она спала. Она явно приехала с конюшни, потому что ходила по комнате в бежевых брюках для верховой езды и высоких полевых сапогах с выгнутыми голенищами.

– Я слегка меняю интерьер на ферме. Ты заразила меня настроем на перемены, так что я решила, имеет смысл отдать её тебе. – Она упёрла руки в бёдра. – Выпускаю птенчика из гнезда.

Лара с сомнением подняла брови.

Мать вздохнула, принимая поражение. Она указала на раму.

– Этот портрет – эта женщина – это твоё наследие. Та, кто мы есть. В любом случае я передаю её тебе. Некоторые реликвии нужно передавать следующим поколениям, скорее, конечно, из сентиментальности.

– Да брось, матушка, – сказала Лара. – Какие реликвии. Ты просто хочешь всё украшать. Тебе не терпится украсить этот дом с момента, как я его купила.

– Чуть-чуть. – Одри смущённо улыбнулась.

– Рама всё равно слишком велика, – попыталась возразить Лара.

– Помесь Версаля с Лас-Вегасом, да? Ну отнеси её к Гастону Буше и поменяй. Только проследи, чтобы он отдал её тебе обратно, она стоит, наверное, дороже самой картины.

Одри поставила картину на пол к стене.

Имя Гастона Буше, владельца самой успешной картинной галереи и багетной мастерской в Керриган Фоллз, возникало раз за разом во всех последних разговорах с матерью. Лара подозревала, что они начали встречаться.

– Сесиль была храброй. И ты тоже храбрая. – Одри взяла Лару за подбородок и взглянула ей в глаза. – Мы многим обязаны этой женщине. Сейчас она должна быть с тобой. Довольно она пробыла в моём коридоре.

Лара присела на корточки, чтобы лучше рассмотреть картину, и подняла раму с пола. Цвета в комнате с ярким светом смотрелись совсем иначе, чем в слабо освещённом коридоре на фермах Кабо.

– Если я и храбрая, то научилась этому у тебя, матушка. Спасибо тебе.

Ощупывая раму, Лара думала о том, как сильно мать помогала ей в эти месяцы. Хотя она часто закатывала глаза по поводу суетливости Одри, та создала для неё безопасное пространство, когда всё остальное развалилось на части.

– Ничего из этого я не смогла бы сделать без тебя.

Одри покраснела и оправила рубашку, засопев, будто вот-вот заплачет.

– Ну всё, ладно тебе. – Меняя тему, она принялась расстёгивать чехол, как Лара предполагала, с каким-то нарядом.

– Ты сказала, это для приёма, да? – Пока мать держала вешалку, Лара стянула мешок, и наружу хлынула волна тёмно-синего шифона. Платье с лифом без бретелек подошло бы кукле, винтажной Барби. С узкой талии струилась вниз пышная юбка из многочисленных слоёв фатина разной длины, сплошной водопад ткани, переливающийся всеми оттенками павлиньего пера. – Господи, оно, должно быть, стоило кучу денег.

– О да, – согласилась Одри. – Не запачкай его в пыли. Ну что, хочешь его как-то *изменить*?

Лара улыбнулась.

– Нет. Оно идеально. Спасибо тебе!

Одри проигнорировала её и отвернулась, прерывая трогательный момент.

– А эта картина будет отлично смотреться с ковром, который я тебе только что купила. Лиловый с золотом, очень нарядный. В самый раз для этой комнаты. Ещё тебе нужны деревянные ставни. – Одри окинула комнату изучающим взглядом. – И серебряный чайный сервиз.

Пришёл Оджоб и уселся у ног Лары, привалился к ней.

– И его тоже можешь забрать, когда захочешь. Он по тебе скучает.

Словно в ответ на её слова, Оджоб вздохнул и растянулся на полу в позе сфинкса. Оджоб принадлежал ей, а Мисс Маннипенни – её матери. Хьюго, их вожака, крошечного вельштерьера, сегодня не было.

Одри заново надела солнечные очки, висевшие спереди на вороте её футболки, и двинулась к двери. Оджоб и Манипенни вскочили и опрометью бросились к выходу, чтобы женщина, которая их кормит, не забыла их здесь.

– Я заеду завтра в шесть забрать тебя в цирк.

Лара нахмурилась.

– Я вряд ли поеду в этом году.

– Глупости, – отрезала Одри. – Если ты не поедешь, Риволи обидятся.

Спустившись по ступенькам, она открыла заднюю дверь машины, впуская собак, и Оджоб тут же устроился между передними креслами, чтобы, как всегда, наблюдать за дорогой через лобовое стекло. Уже с водительского сиденья Одри подытожила, высунувшись в окно:

– Цирк, завтра в шесть! Никаких отговорок!

Лара отсалютовала ей.

Одри стянула очки на нос.

– И ещё, Лара…

Лара нагнулась к ней.

– Он в любой момент мог не вернуться к тебе, ты это знала. Я рада видеть, что ты налаживаешь свою жизнь.

Лара посмотрела вниз на свои пыльные кеды. Она никак не могла избавиться от ощущения, что Одри говорит ей не всю правду. Они никогда не лгали друг другу, но мать однозначно что-то скрывала.

– И пригласи рабочего отремонтировать пол, хорошо?

После этих слов дверь машины хлопнула, и чёрная «Сьерра Гранде» с логотипом «Фермы Кабо» поехала прочь.

Вернувшись в дом, Лара остановилась и посмотрела на картину сверху вниз, прежде чем её поднять. Маленькая рама была очень тяжёлой на вес. Лара прикинула, что в ней, должно быть, фунтов пятнадцать золота и дерева. На картине была изображена миниатюрная блондинка в приглушённо-бирюзовом трико с коричневыми самоцветами, стоящая на спине белой лошади. Её высоко поднятые руки замерли в идеальном равновесии. Лошадь, украшенная убором с бирюзовыми перьями, летела вскачь. Хотя черты лица молодой Сесиль были видны совершенно чётко, в остальном картина как будто побывала под дождём; на масляной краске были отчётливо заметны потёки. По первому впечатлению взгляд приковывали фигуры лошади и наездницы, но также с большой тщательностью художник уловил лица зрителей в первом ряду. Одетые в свои лучшие наряды, несколько посетителей на галёрке держали фужеры с шампанским, лица подсвечивали огни сцены. В середине бородатый мужчина с копной рыжих волос указывал на арену, а женщина рядом с ним закрывала лицо руками, будто боясь, что наездница вот-вот упадет.

Хотя картина была написана не в реалистической манере, её нельзя было назвать полностью модернистской. На полотне были хорошо заметны крупные, фактурные мазки, так не похожие на гладкие залакированные холсты, которые Лара видела в музеях Нью-Йорка, Вашингтона и даже Парижа и Рима – когда была там во время учёбы в колледже.

Лара хорошо знала историю своей семьи. Сесиль Кабо уехала из Франции в сентябре 1926 года с грудной дочерью Марго. Об отце Марго мало что было известно, Сесиль сообщила, что он умер от инфлюэнцы, и в целом его персона ни на что не влияла. Сесиль совершила плавание через океан: отплыла из порта Гавра на лайнере «SS De Grasse», прибыла в гавань Нью-Йорка спустя пять дней. У неё было мало денег, она услышала о работе на стекольном заводе неподалёку от Керриган Фоллз и устроилась туда на сборочный конвейер делать банки для горчицы «Золтан». Она проработала на конвейере шесть месяцев, когда попыталась получить место портнихи при Дафне Лунд, жене владельца фабрики Бертрана Лунда. Сесиль нарисовала для миссис Лунд несколько эскизов платьев и доказала свою изобретательность как швеи, придав парижский шик весеннему гардеробу Дафны. Великая Депрессия не так сильно ударила по семье Лунд, как по другим предпринимателям, так что Сесиль сохранила место и продолжала придумывать для миссис Лунд преимущественно вечерние платья, ездила с ней в Нью-Йорк выбирать шёлк и тафту и расшивала корсажи бисером. В течение года она сделалась незаменимой.

В одну из редких верховых прогулок, на которые она выбиралась с детьми Лундов, Сесиль спасла их младшего сына от понесшей лошади, догнав её и втащив мальчика в своё седло, когда кавалькада уже почти влетела в рощицу, где ветки снесли бы ребёнку голову. Супруги уже потеряли двоих детей, и миссис Лунд была так благодарна Сесиль, что Бертран Лунд вознаградил её за героический поступок, наняв управлять довольно развитым семейным конехозяйством. Мистер Лунд прежде не знал, что его портниха – превосходная наездница. Позже она приобрела у Лунда пятьдесят акров земли и построила современную ферму, а её дочь, Марго, воспитывалась вместе с детьми Лунда.

В 1938 году на скопленные деньги Сесиль, оставив службу у семьи Лундов, основала выездное конное шоу со своим пикапом «Шевроле» и прицепом, полным пенсионного возраста лошадей. Лошадей подарил ей на прощание её наниматель. Это были частью старые, частью просто негодные для работы животные, которых мистер Лунд собирался списать или пристрелить. Сесиль распустила слух, что хочет нанять клоунов, а позже – воздушных гимнастов, и назвала своё предприятие Цирком Марго в честь дочери.

За несколько недель до того как цирк приезжал в городок вроде Шарлоттсвилля, Роанока, Гейнсвилля, Пенсаколы, Мобила и Гэффни, по улицам расклеивались постеры, и юная Марго на них служила прекрасной приманкой для зрителя. Цирк давал два представления, дневное и вечернее, прежде чем свернуть шатры и места для зрителей. Автофургоны, использовавшиеся как билетные кассы, подъезжали ко входу в шапито. Входной билет стоил 75 центов, забронированные места – доллар 25 центов.

Тринадцатилетняя на момент основания цирка Марго Кабо и сама постепенно становилась опытной наездницей. Ранние афиши в 1940-м изображали юную Марго Кабо, висящую вверх тормашками на белом жеребце; она удерживалась на спине животного одной только правой ногой. На второй волне афиш 1941 года Марго в красном трико и в уборе из перьев во весь рост балансировала на спине белой лошади, а на фоне алели буквы, которые впоследствии станут логотипом компании: «Цирк Марго».

Настоящая Марго тем временем затмевала собою весь цирк. Дикая девчонка-подросток, курящая и пьющая джин, Марго Кабо при этом была невероятной красавицей. Но девушка, давшая имя цирку, никогда, похоже, не собиралась принимать наследное дело. В семнадцать лет Марго сбежала – довольно забавный поворот событий, так как мало кто сбегает *из* цирка. Она влюбилась в водителя из команды выездных гонок на выживание, и Сесиль не смогла её остановить.

Осенью 1944 года, когда они проколесили примерно год, отношения Марго с возлюбленным, видимо, разладились. Она неожиданно вернулась в Керриган Фоллз и в течение года вышла замуж за Саймона Уэбстера, основателя газеты «Керриган Фоллз Экспресс».

Остепенившись, Марго всё равно оставалась чудачкой и часто целыми днями не покидала свою комнату – даже чтобы поесть или помыться. Человеку, пытавшемуся руководить ежедневной газетой, справляться с этим было непросто, и Саймон нанял сиделок, которые уговаривали Марго есть и дважды в неделю засовывали её в ванну. Эти эпизоды закончились так же быстро, как начались, и уже вскоре Марго со смущенным видом сидела за завтраком в своем розовом шёлковом халате, намазывая маслом тост и прихлебывая кофе, – вернувшись оттуда, куда путешествовал её разум.

В те дни она также наведывалась в цирк, и Сесиль боялась её появлений – Марго была ненадёжна в работе, требовала, чтобы её номер включали в программу, но не репетировала достаточно, чтобы он был безопасным. На лошади Марго была непревзойдённым профессионалом. Хотя Сесиль отлично ездила верхом, она и в подмётки Марго не годилась. Под ней как будто вовсе не было лошади – словно она взаимодействовала со стулом, а не с живым подвижным существом, обладающим собственным разумом.

Осенью 1950 года, после пяти лет брака, Марго родила дочь Одри. Эксцентричная и импульсивная натура Марго стала проявляться всё более необузданно, она выказывала странные признаки, похожие на помешательство: утверждала, что видела в поле дьявола. Однажды Саймон нашёл её в яблоневой роще: босиком, в тонкой ночной рубашке Марго смотрела на первый снег. Нараспев читая заклинание, она утверждала, что *он* попросил показать ему ребёнка, а в руках у нее болталась Одри. На этом Саймон понял, что с него хватит. Одно дело подвергать опасности себя, но другое – причинять вред маленькой дочери. Он позвонил в специальное заведение, чтобы Марго забрали, но через день у неё развилась лихорадка, а через три дня она умерла.

Сесиль была с труппой на гастролях, но вернулась и взяла на себя большую часть заботы об Одри, позволив менеджеру управлять цирком в её отсутствие. «Цирк Марго» продолжал процветать все шестидесятые, Одри научилась вольтижировке, как Сесиль и её мать, и каждое лето выступала на представлениях. В 1972 году, когда Одри ясно дала понять, что не хочет жить на колёсах, Сесиль, которой тогда было уже семьдесят два года, решила, что пришло

время сворачивать шоу. В течение нескольких лет продажи билетов падали, с тех пор как у семей появились другие формы досуга. Эпоха цирка – и «Цирка Марго» – подошла к концу.

Теперь «Цирк Марго» остался жить только в памятных вещах. Афиши и транспаранты с лицом Марго до сих пор попадались по всему Керриган Фоллз. В историческом обществе имелась целая коллекция цирковых памятных вещей, как и фирменных банок из-под горчицы «Золтан».

Лару охватила резкая ностальгия по Сесиль, и она схватила раму. Мать была права. Эта картина должна быть с ней. Она в ближайшее время даст заказ Гастону Буше.

В квартале от своего дома, на пути к Мэйн-стрит, она зашла в кофейню «Оформим и накормим» – перед трёхчасовой вечерней сменой ей требовался кофеин. Вскоре после того как Лара купила радиостанцию, Карен открыла единственную в Керриган Фоллз кофейню в бывшем магазине скобяных изделий по соседству с «99.7 K-ROCK». «Оформим и накормим» стала одним из новых предприятий, преуспевающих благодаря выходцам из Вашингтона, которые переехали в провинцию, ожидая найти там латте, торт «Красный бархат» и свежевыпеченный хлеб.

Над головой Лары прозвенел колокольчик, и она заметила, что для вечера среды в кофейне царило затишье. Карен постоянно беспокоили местные студенты колледжа, которые заказывали один большой стакан заварного кофе и на четыре часа занимали диван только посидеть в интернете с нового Wi-Fi. Судя по всему, сегодня вечером у неё заседали четверо студентов и книжный клуб. Но книжный клуб был скорее добрым знаком – кажется, любители чтения заказали множество тортов и напитков со взбитыми сливками.

Помещение старого хозяйственного магазина было длинным и узким, с широкими дубовыми досками на полу и жестяным потолком. Карен и Лара сняли прилавок в старой аптеке, которая некогда находилась на нынешнем месте студии «99.7 K-ROCK», и на двух одолженных багажных тележках перетащили его в кофейню. Он идеально вписался вдоль стены, и Карен выставляла туда булочки и маффины под стеклянными колпаками. Потом они прошерстили все комиссионные магазины и распродажи недвижимости вниз и вверх по шоссе 29 и нашли старые бархатные диванчики и винтажные кожаные кресла. Теперь всё это выглядело как курительная комната, оформленная в глубоких натуральных цветах: тёмное дерево и состаренная кожа. Лара была очень довольна, что из такой разномастной мебели получилось в итоге такое хорошее сочетание.

Расплачиваясь за напиток, Лара приметила доску Уиджа на кофейном столике: не настолку от «Паркер Бразерс», а старинную, которую не видела здесь раньше.

– Откуда это у тебя? – Она указала на доску.

– Правда, классная? Думаю, как-нибудь ночью после закрытия мы устроим спиритический сеанс. – Карен накрыла крышкой Ларин мокко с белым шоколадом. – Клиентка пожертвовала заведению. Её ещё можно использовать как поднос.

Лара заметила, что края доски чуть загибаются вверх.

– А кто это был?

Карен дёрнула плечом.

– Да не знаю. Какая-то блондинка. Знакомое лицо, но я не уверена, откуда. – Она приподняла бровь. – Господи, ты что, до сих пор боишься спиритических сеансов?

– Н-нет, – неубедительно сказала Лара.

– Ну ты как маленькая. Это же просто настолки, как «Улика»[3].

– Вообще ничего общего с «Уликой»! – Лара смерила взглядом доску Уиджа. Её магия проявилась во время ночёвки у Карен, когда ей было шесть. Ради шутки старшая сестра Карен с подругами решили попугать младших девочек спиритическим сеансом. Но вместо этого Лара

[3] Clue – американская настольная игра-детектив.

сдвинула доску силой мысли, и девчонки-подростки испугались сами и с визгом бросились бежать через весь дом. Так Лара в первый раз совершила «корректировку».

Карен как будто прочла её мысли, заметив:

– Папа сказал, это статическое электричество подвинуло доску. Так часто бывает.

– Нет, Карен, это как раз бывает не часто.

После того как Карен увидела эпизод с магическим расстёгиванием свадебного платья, Лара предполагала, что подруга начала что-то подозревать, скорее всего сопоставив все странные вещи, которым стала свидетельницей за эти годы.

– А какое имя появилось на доске? То, что так тебя напугало. – Карен посмотрела вверх, пытаясь припомнить. – Альта…

– Альтаказр. – Лара схватила чашку со стойки. Это имя она не забывала никогда. Лара спросила доску, кто здесь, и ответом ей было: «Альтаказр».

– Бетси хотела назвать кота Альтаказром, но ты так перепугалась, что расплакалась. Весёлые были времена. – Карен взглянула на картину, прислонённую к диванчику. – Откуда это у тебя?

– От матери, – пояснила Лара. – Она убирается дома и решила, что эта картина будет идеально смотреться у меня в столовой.

– Или здесь, – предположила Карен. – Отлично выглядела бы рядом вон с тем кожаным честерфилдом. – Она показала на членов книжного клуба с толстыми фолиантами «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла» на коленях.

– Это семейная реликвия, – сказала Лара со вздохом. – Я немножко подержу его у себя, потом подарю тебе. Гастон Буше сделает к ней раму чуть менее… ладно, просто раму поменьше.

– Да уж, рама поменьше бы не помешала, – рассудительно поддакнула Карен.

Направляясь к выходу, Лара немного ускорила шаг, проходя мимо спиритической доски. Слышно было, как Карен за её спиной хихикнула.

– Ты такая злая, – сказала Лара, закрывая за собой дверь.

Она перешла улицу к багетной мастерской Гастона Буше. Ещё один наддверный колокольчик прозвенел над её головой. Почему всем в Керриган Фоллз требовались оповещения, что их дверь открывается? Как будто здесь когда-либо случались преступления. Несмотря на небольшой штрих старомодности, этот бронзовый колокольчик, внутри галерея была оформлена очень стильно, с гладкими блестящими стойками и подсветкой. Образцы рам всех размеров были скомпонованы в аккуратные стопки вдоль стен. Два хромированных дизайнерских стула «Василий» с коричневыми кожаными сиденьями стояли по обе стороны небольшого стеклянного стола с огромными альбомами репродукций посередине.

Буднично одетый в джинсы и белую рубашку с рукавами, поднятыми выше локтя, Гастон Буше склонился над своим рабочим столом, тщательно изучая клочок бумаги. Он был субтильным мужчиной со светлыми волнистыми волосами, падавшими ниже подбородка, когда он работал. На носу у него сидели круглые очки в черепаховой оправе. Выражение его лица было суровым, словно у профессора философии, оценивающего посредственную письменную работу.

– Я слышал, вы мне кое-что принесли. – Гастон говорил с лёгким французским акцентом, но даже не взглянул в сторону Лары. Он поднял маленькую картинку на свет и сосредоточенно изучал её.

– Ну, сейчас посмотрим. Вы собираетесь меня отговорить менять раму? – Лара изо всех сил пыталась удержать на весу тяжёлую картину, в которой было всего около двух футов в ширину и столько же в длину. Она услышала музыкальный джингл станции «99.7 K-ROCK» и была тронута тем, что у него в галерее звучит их радио. Она принимала Гастона за фаната техно или группы «Velvet Underground».

– Я всегда считал, что эта рама перетягивает внимание с необычной и любопытной картины. – Гастон вгляделся в свои очки и оставил бумагу, над которой работал. – Поэтому non. – Он знаком попросил передать ему картину.

Лара подозревала, что между Одри и этим человеком что-то происходит. То, что у Гастона было мнение об этой картине, означало, что он уже видел её в доме Лариной матери.

– Эта штука, должно быть, из чистого золота. – Он дотянулся и легко взял картину у Лары из рук, затем перевернул раму и начал изучать каждый угол.

От Одри Лара узнала, что он окончил Сорбонну, а потом несколько лет болтался по Нью-Йорку, стараясь добиться успеха как панк-рок гитарист. Его музыкальная карьера не задалась, и он начал работать художником, а затем фотографом, когда жил в Челси на Манхэттене в конце 1970-х годов. Это утверждение подкрепляли фото Гастона со знаменитостями – Патти Смит, Лу Ридом, Гэри Ньюманом, Дебби Харри и Крисом Стейном. Там у Гастона были короткие, под ёжик, волосы, и он носил костюм и тонкий чёрный галстук, как участник группы «Devo».

У него было несколько картин с лошадьми. Также от Одри Лара знала, что именно так они с ней и познакомились. Много лет назад, когда он ещё жил в Нью-Йорке, он приобрёл у Одри лошадь. Забирая своё приобретение из Керриган Фоллз, он заметил, что в городе продаётся старая картинная галерея. Он выкупил помещение, выбросил большую часть картин как-в-вестибюле-отеля – ваз с фруктами и плохих пейзажей – и заменил их более современными работами, которые регулярно привозил из Нью-Йорка. У него также был полноценный бизнес по оформлению свадебных и выпускных альбомов, который, в представлении Лары, вполне окупал все его счета.

Обойдя весь магазин, Лара наклонилась над высоким длинным рабочим столом.

– Что вы думаете?

– Она старше, чем я думал. – Гастон включил свет и переместил под него раму. – Одри говорила, это портрет её бабушки.

– Да. Её бабушки, моей прабабушки, Сесиль Кабо. Здесь она скачет на лошади в Париже.

Гастон взял лупу и принялся изучать угол.

– Я не замечал раньше… Странно.

– Что именно?

Опять же, это «раньше» предполагало, что ему уже доводилось обстоятельно рассматривать картину.

– Картина подписана инициалами «ЭЖ», – он отстранился и протянул лупу Ларе. – Посмотрите.

– И? – Лара взглянула на подпись. Там действительно видны были буквы ЭЖ.

– Ммм. – Гастон снял очки и вытер их о рубашку. – Это маловероятно, но похожим образом подписывал свои картины Эмиль Жиру. Это картина 1920-х годов, non?

– Да, примерно так.

– Вполне подходящие временные рамки и подходящая локация для Жиру. Но дело в том… – Он замолчал и повернул голову, посмотрел на картину под углом. – Опять же, я сильно сомневаюсь. Скорее всего это картина какого-то уличного художника, но ходили слухи о серии цирковых портретов кисти Жиру. Потерянные портреты – три из них – «Les Dames du Cirque Secret», «Дамы из Тайного цирка». Странное совпадение.

– Вы имеете в виду, это может быть какая-то известная картина?

– Возможно, – сказал он. – Я свяжусь с Эдвардом Бингемптоном Барроу, чтобы узнать, все ли картины на учёте. Потерянное произведение искусства – это всегда некоторое преувеличение. Обычно они просто находятся в частной коллекции. Это скорее всего дешёвая копия.

– Эдвард Бингем-кто? – Лара громко рассмеялась, пытаясь припомнить третье имя.

– Барроу, Бингемптон Барроу, – повторил Гастон.

– Какое дурацкое имя.

– Troisième, – он улыбнулся. – Или quatrième, как это по-вашему, «четвёртый»? Вечно забываю. В любом случае там большая путаница с Эдвардами Бингемптонами Барроу, но именно этот специализируется на французских художниках Века джаза. Несколько лет назад он написал единственную существующую биографию художника Эмиля Жиру. Если кто и сможет понять, его ли это картина, то только старина Барби.

– Откуда вы его знаете?

– Мы вместе учились в Сорбонне. Его мать была знаменитой моделью из Нигерии и когда-то общалась с Уорхолом. В нашей молодости статус его матери открывал для нас с Барби двери самых потрясающих вечеринок в Париже. Его отцу, довольно нудному графу Кемпширскому, частенько приходилось вытаскивать нас из неприятностей, но это было чудесное время. – Гастон ухмыльнулся, перевернул картину и нагнулся, снова тщательно изучая раму. Она была резная, позолоченная, некогда красные цветы на инкрустации теперь потускнели до коричневого. – Хотя я не в восторге от этой рамы, мне кажется, сама картина может быть довольно ценной – не исключено, что оригиналом.

– Дайте мне знать, если что-то найдёте, – попросила Лара. – Я думаю, я бы хотела какую-то рамку вроде этой. – Она указала на простую позолоченную раму.

Он кивнул.

– Я сообщу вам, когда свяжусь с Барроу или если у меня будет что вам показать.

Услышав фальшивый металлический дребезг колокольчика, Лара обернулась – миниатюрная женщина с каштановыми волосами направлялась прямиком к Гастону. Лара узнала Марлу Арчер – бывшую жену начальника полиции Бена Арчера, они разошлись не так давно – и отошла с её пути. Женщина приблизилась к Гастону и расцеловала его в обе щеки. И быстро перевела взгляд на Лару, словно та была случайно попавшимся ей по дороге цветочным горшком.

– Здравствуйте, – живо поздоровалась она. – Простите, я вас не увидела.

– Это Лара Барнс, – сказал Гастон.

– О, – протянула Марла *тем самым* понимающим тоном. Её глаза потеплели. Лара уже привыкла к этому повседневному выражению жалости.

– Ну, позвоните мне, когда что-нибудь узнаете, хорошо? – Лара кивнула Гастону на прощание.

– Какая интересная картина. – Марла откинула назад недлинные, до плеч, волосы, чтобы поближе её рассмотреть.

– Ей нужна новая рама, – сказал Гастон, – но мы об этом позаботимся.

Когда Лара повернула ручку, она услышала восклицание Марлы: «Это великолепно!» Она обернулась – Гастон держал рамку с одной из её последних фотографий, о картине уже позабыли. Марла была одним из двух фотографов в Керриган Фоллз и снимала её портрет для выпускного альбома, но всё ещё не могла припомнить её имя до подсказки Гастона – от такого Лара точно не чувствовала себя запоминающейся. На протяжении многих лет её несколько раз представляли Марле, но казалось, что женщина смогла сопоставить лицо и имя, только когда возникла связь с делом Тодда. Довольно трудно быть известной лишь тем, что ты не вышла замуж. Но Ларина мать была права. Они происходили из династии сильных женщин. Лара это выдержит. Она поняла, что действительно хотела бы, чтобы портрет прабабушки висел у неё в столовой.

Закрывая за собой дверь галереи, она задумалась, что будет делать, если вдруг выяснится, что картина действительно представляет ценность.

Глава 7

Только глубокой ночью, когда Лара одна работала на радиостанции, она чувствовала, что уже выучила все местные ритмы и скрипы, музыку старых рассохшихся досок и погнутых ржавых гвоздей. В такие моменты она ощущала, что это место действительно принадлежит ей. После торгов по настоянию отца она перестала регулярно работать в ночную смену, чтобы сосредоточиться на деловой стороне вопроса, которая остро нуждалась в её внимании, – но Ларе по-прежнему нравилось выходить на случайные вечерние и ночные смены. Теперь её день состоял из непрерывного потока электронных таблиц и рекламных объявлений, так что было особенно ценно сесть за пульт и вспомнить, за что она любила эту станцию. Сегодня она стояла на смене с семи до десяти.

В студии она с удивлением обнаружила, что отец ещё не ушёл. Он сидел на полу в окружении разложенных веером музыкальных альбомов.

– Что-то ищешь?

– Делаю завтра вечером передачу о Лорел Каньоне. – Казалось, в разбросанных альбомах был какой-то порядок, и он продолжал менять их местами. Он выглядел как подросток на полу своей спальни.

– Маловато Дэвида Кросби?

– Перебор Кросби, – сказал Джейсон строго. – Маловато Джони Митчелл.

Лара за его спиной скривилась. Она не так любила Джони Митчелл, как отец.

– Как насчёт Баффало Спрингфилд? Может, «Expecting to Fly»? Давненько её не слышала.

Краем глаза Лара видела, что он улыбается. Он всегда гордился, когда она разбиралась в своей музыке.

Джейсон встал, хрустнув коленями, и тяжело плюхнулся в своё рабочее кресло, стоявшее лицом к Лариному.

Из-за расположения на месте старой аптеки на Мэйн-стрит в центре офиса станции «99.7 K-ROCK» притягивали взгляд гигантская витражная ступка и пестик – некогда они располагались посередине над прилавком. В какой-то момент стекло в верхней части пестика выпало, и его заменили зелёной лентой.

Их столы стояли на месте, где раньше находился проход к стеллажам с конфетами. В детстве Лара и её друзья неслись туда, чтобы схватить небольшой бумажный пакет и наполнить его доверху жевательными конфетами «Шведская рыбка», солёными тыквенными семечками, мармеладом «SweeTarts» и её любимыми, но теперь малоизвестными поддельными сладкими сигаретами «Винстон».

Когда Лара росла, ей было приятно, что у неё вроде как знаменитый отец. Его группа, «Dangerous Tendencies», записала в конце 1970-х два студийных альбома. У него до сих пор было много фанатов, которые писали ему, так что Лара с отцом запустили еженедельную объединённую радиопередачу о музыке 70-х на двадцати семи радиостанциях в США, Европе и Японии. Это был прибыльный контракт, который дал отцу новую фан-базу. Реклама была на подъёме, и вся авантюра с радиостанцией наконец начала работать. Станция, правда, до сих пор не принесла ни цента прибыли, поэтому Лара платила сотрудникам из денег, которые остались от наследства деда. Она рассчитала, как долго ей придётся налаживать бизнес: около пятнадцати месяцев.

В то время как некоторые радиостанции располагали большими средствами и их ведущим не приходилось загружать катушечные ленты или заниматься производством собственных передач, бюджет «99.7 K-ROCK» был крайне ограничен. От фиолетового дивана с ободранной бархатной обивкой до пластинок, хранящихся на старом стенде – пожертвовании из

давно закрытого магазина Дж. К. Мёрфи, в котором Лара когда-то покупала альбомы Донны Саммер на карманные деньги, – всё выглядело так, словно было сделано из заплаток. Возникало ощущение, что один расшатанный старый выключатель может реально отключить всю станцию, превратить всё это место в немой исторический экспонат. Тем не менее здание сохраняло поблекшую, тусклую элегантность, восхищавшую Лару. Всё здесь заслужило своё место. Даже она. Именно эта станция спасла её в самые тёмные часы.

В день подписания договора они с Джейсоном пришли сюда вместе и сидели среди пыли, в пространстве всё ещё витал слабый запах антисептиков и ингредиентов лекарств. Джейсон достал фото и двинул по полу к ней. Это было старое фото троих членов группы, в забавной позе, как будто они красовались для обложки альбома. Лара поняла, кто из них Питер Бомонт, даже до того как отец показал ей. Троица собралась у реки Керриган напротив скал – но взгляд фотографа притягивал человек, сидевший на корточках посередине. Джейсон и третий парень обрамляли центр композиции, вращались вокруг него, как по орбите, – и было ясно, что они второстепенные персонажи. В тот момент Лара осознала, как мощно фотография передаёт суть вещей, которые невозможно сформулировать словами. Отец мог бы часами говорить о Питере Бомонте, но у него бы не получилось объяснить вот это. Питер был центральным звеном группы. По фото Лара также поняла, что он был талантлив. Он слегка выставлял плечо вперёд с выражением молодой дерзости, сопутствующей осознанию собственного таланта. Питер был ниже ростом, чем Джейсон, который на фото немного горбился, но они выглядели похожими, как братья.

– Ты без него зашёл в тупик, – сказала Лара.

– Без него всё это просто перестало иметь смысл, – поправил он. – Это была его мечта, не моя. Чёрт, да не встреть я его, я бы скорее всего стал автомехаником.

– А сейчас?

– Временами я чувствую себя самозванцем, который живёт в его мечте. Синдром выжившего, так это называют, по-моему.

Ларе было хорошо знакомо это чувство.

– Странно, да? Место, которое остаётся после них, чтобы ты его заполнил.

Он рассмеялся.

– Моя жизнь – жалкая попытка прожить такую жизнь, какую ему не удалось.

– То есть ты считаешь, что Питер Бомонт мёртв?

Они никогда это не обсуждали. Лара знала, что это первый раз, когда Джейсон смог затронуть тему бывшего участника своей группы.

– Да, – сказал он. Лара услышала щелчок – он открыл зелёную бутылку джина «Танкерей». Вытащил к ней два бокала и крошечную бутылку тоника.

– Всё, что я делал, было призвано заполнить пустоту, – сказал он, отвечая её мыслям.

– А Тодд? – закономерно спросила Лара. Питер и Тодд теперь были навсегда связаны друг с другом из-за Уиклоу-бенд. Она увидела, как Джейсон сжал губы, но не ответил ей. Вместо этого они оба выпили за будущее.

Через пять лет, если поразмыслить, на что будет похожа её жизнь? Что она сможет изменить, чтобы чувствовать себя менее неполноценной? Осматривая радиостанцию, она подумала, что этот вопрос – хорошая отправная точка. Прежней Ларе Барнс, той, что вышла бы замуж за Тодда, не понадобилось бы покупать радиостанцию. А эта Лара купила.

В последнее время она также много думала о мужчине в поле. *«Этот мальчик – не твоя судьба».*

В детстве у неё было богатое воображение. Она родилась с одной почкой и была болезненным ребёнком, так что часть её никогда не была убеждена в реальности мужчины: возможно, он был всего лишь воображаемым другом, порождённым её гиперактивным разумом. Но то, что он сказал, наяву или нет, с недавних пор было у неё на уме. Те двое знали её судьбу?

Они определённо намекали на это. Такие вещи чаще всего приходили в голову посреди ночи, когда ты был один на радиостанции. Нездоровая смена, уж точно.

Она помахала Бобу Брину, диктору часа пик, сидящему в звуковой кабинке, огонёк его сигареты освещал тёмное пространство. Лара была уверена, что говорила ему не курить там больше, но, наверное, придётся повесить табличку возле часов – все работники студии следили за часами. Она проверила собственные наручные часы: пятнадцать минут до выхода в эфир. Отец начал собирать вещи, наконец довольный тем, что получилось с альбомами.

В семь Боб отодвинулся от стола и немедленно был таков. Забираясь в кресло, Лара услышала, как хлопнула дверь. Она подъехала вплотную к пульту управления. Вероятно, она была одной из немногих диджеев, кому не нравится звук своего голоса. Голосовые связки у неё словно были покрыты наждачкой. Такой голос называют «прокуренным». Забрав волосы в хвост, Лара сглотнула, нажала на кнопку микрофона и включила звук, а потом – аудиозаставку станции в начале часа.

Радио «99.7 K-ROCK» передавало в том числе сложные или малоизвестные треки, не только популярные песни «топ-40», за исключением трёх часов ночью в воскресенье, когда там играли панк и новая волна – «Bauhaus», «Television», «Cure», «Slits», «Concrete Blonde» и «House of Love». Ведущим звонили ребята из колледжа и умоляли поставить «Ramones» и «Violent Femmes» – почему-то всегда «Femmes». Лара спланировала песни на первый час – она любила это делать заранее, хотя многие работники станций выбирали песни с ходу.

Для начала пошёл двойной блок «Led Zeppelin». Она положила на первый проигрыватель вертушки «Achilles Last Stand», повернула ручку на отметку «воспроизведение» и поставила иглу на дорожку. Затем нажала кнопку «старт». Лента вертушки медленно потянула пластинку, пока Лара не услышала первые аккорды песни. Уловив первые несколько нот, она надавила на кнопку «стоп» и перемотала пластинку назад пальцами, пока винил не издал рычащий звук на вступительных аккордах. Тот же ритуал повторился с «How Many More Times» на втором проигрывателе.

Она включила проигрыватель номер один. Песня идеально встроилась в затихающие ноты джингла станции. Лара слегка приподняла занавеску и поглядела на дорогу. В этот час вниз с холма ещё спускалось достаточно машин, чтобы вызвать небольшую пробку, но в ближайшие часы поток станет гораздо меньше. Когда она сидела взаперти на студии, Тодд никогда не покидал её мыслей надолго – возможно, из-за работы в одиночестве.

Лара продолжала посматривать на телефон, надеясь, что он замигает, почти готовая заставить его зазвонить. Она полагала, что сможет заколдовать телефон, но ведь на той стороне всё равно никого не будет. Если Тодд собирался связаться с ней где-либо – если он вообще мог, то наверняка здесь. Когда она работала в смену с полуночи до шести, он часто звонил проверить, как она, беспокоился, что она заперта в одиночестве и крутит пластинки. Но отец был прав: так же, как и Питера, Тодда больше никто не видел. Наступило и прошло Рождество, день святого Валентина, день рождения его матери – все даты, в которые он мог бы позвонить. Несмотря на то что его брошенную машину нашли, его кредитки больше не использовались. Как Питер Бомонт, он просто исчез без следа.

Лара всегда подробно, в деталях вспоминала последние моменты, когда видела его. Теперь они приобрели мифический статус, как коллекция похищенных драгоценностей. Она тщательно анализировала каждую минуту, каждое слово, жест и движение, ища что-то, что даст ей ключ. Что же она упустила?

Оглядываясь в прошлое, она не могла припомнить самое последнее впечатление, последний его образ. Когда Лара думала о моментах своей жизни – определяющих, которые действительно имели значение, – сколько их набегало? Возможно, десять часов за всю жизнь. Много это или мало? Она не знала. Но *тот* момент. *Тот самый.*

В то время он казался ей таким обыденным, даже банальным. Если бы только она могла тогда остановиться – не влезать на водительское сиденье, глянув на Тодда мельком, прежде чем задним ходом вывести машину на дорогу. Она была так сосредоточена на дороге впереди неё, на жизни впереди, что не остановилась и не посмотрела на него достаточно внимательно – не увидела, как он стоит на подъездной дорожке. Об этом она сожалела больше всего.

Встреча с отцом сегодня вызвала у неё ностальгию по альбомам «Dangerous Tendencies». Обычно она не проигрывала пластинки Джейсона – его музыка сохранялась для его собственного шоу, но песня «The One I Left Behind» была её любимой. Вытащив из потрёпанного конверта «Tending», дебютный альбом группы, Лара поставила его на проигрыватель, повернула ручку на «воспроизведение» и осторожно установила иглу на канавку на виниле с песней номер три. Когда она вращала диск назад, произошло нечто странное. Её слух уловил несколько аккордов. *Это песня?* Это точно была песня. Чаще всего звук пластинки, запущенной задом наперёд, состоял из помех, напоминающих искажённую запись, но сегодня она услышала начало чистого гитарного вступления.

Это было невозможно.

– У меня явно слуховые галлюцинации.

Она громко вздохнула, перезапустила пластинку на начало песни и остановила её пальцами. Найдя стартовую точку, с усилием сглотнула, а затем рукой повернула пластинку назад. И снова вместо невнятного шума в звуковой кабинке эхом зазвучали мелодичные гитарные аккорды. Лара поддерживала постоянное вращение, встала, заняла удобную позицию относительно вертушки. Наконец, намотав тридцать секунд, она услышала, как мужской голос начал петь:

Ты говоришь, не знаю я, чего хочу,
и ничего не знаю о любви.

– Какого хрена?.. – Её рука замерла. Она шагнула прочь от проигрывателя.

Быстрым движением она перевела тумблер в режим катушечной ленты. Станция могла работать на четырех студийных магнитофонах, переключая песни с одного на другой, как на автопилоте, – чтобы Ларе сейчас не приходилось беспокоиться о микшерном пульте.

Она вышла из кабинки в офис и поискала в шкафах магнитофон. Нашла нужный, но, когда нажала кнопку «воспроизведение», он не включился. Наконец она схватила гитару Джейсона и побежала обратно в кабинку. Лара снова поставила пластинку и повторила весь процесс. Песня всё ещё была там. Лара подобрала ноты на гитаре и наиграла мелодию, снова и снова вращая пластинку, пока не получила результат. Песня была ей не знакома. Она быстро набросала табулатуру на клочке какой-то ненужной бумаги, чтобы не потерять.

Услышав, как открывается дверь, – пришла ночная сменщица, чтобы снять её с дежурства, – Лара снова попробовала повернуть пластинку. На этот раз гитарное вступление сменилось знакомым щёлканьем.

Песня исчезла.

Лара собрала сумочку и прошла неровным стремительным шагом по Мэйн-стрит до ресторана в двух кварталах от радиостанции. Магазин одежды на углу закрылся месяц назад, от него осталась пустая витрина с телами обнажённых пластиковых манекенов с согнутыми руками и ногами – манекены лежали в углу, как на месте преступления. Лара была напугана.

Что случилось там, на станции? Очевидно, это был бэкмаскинг – записанное послание в альбоме, которое можно услышать только при воспроизведении песни задом наперёд. Порой музыканты так делали, для эффекта. Известно, что «The Beatles» применили этот приём в песне «Revolution 9»; слушатели могли разобрать «включи меня, мертвец», что привело к целой конспирологической теории о том, что Пол мёртв. В детстве Лару отправили в религи-

озный лагерь вместе с Карен. В первое утро, после исполнения воодушевляющих версий «Я в армии Господней», детям подали печенье и гавайский пунш и рассказали, как рок-музыканты шифруют в своих альбомах секретные послания дьяволу. Мальчики в группе с готовностью обязались принести для сожжения свои пластинки «AC/DC» и «Led Zeppelin». Когда Джейсон услышал, что Ларе нужно взять несколько пластинок, чтобы уничтожить их во время мероприятия в лагере, он больше не позволил ей туда возвращаться.

Но песня, которую она услышала только что, действительно содержала послание, возникавшее, только когда альбом воспроизводился задом наперёд. Тем не менее Лара ставила эту песню сотни раз и знала, что этого звука там раньше не было. И даже если при записи «Tending» использовался бэкмаскинг, оттиск на виниле тоже не мог просто исчезнуть.

Нет, песня была посланием для неё.

Глава 8

В ресторане «У Делайлы», одном из двух, где ужин подавали до одиннадцати часов, было полно народу. Лара присела недалеко от двери на барный стул с сиденьем из кожзаменителя. Вскоре она крутила в руках бокал шардоне цвета концентрированной мочи. Какая-то терпкая марочная дрянь, «с выраженным фруктовым вкусом», как это называют, от которой через несколько часов будет болеть голова. Вероятно, из коробки в гигантском холодильнике Делайлы. Потирая шею, Лара подумала, что уместнее всего будет хорошенько выспаться.

– Бедняжка. Как же никто тебя не предупредил. Вино здесь *ужасное.*

Лара улыбнулась звуку его голоса: оттенок вирджинского южного акцента, заметные протяжные гласные в слове «вино». Она повернулась навстречу Бену Арчеру.

– А ты тогда что заказал?

– Ну, определённо не *вино.* – Он просматривал меню, закатывая жёсткие рукава белоснежной сорочки.

– Как ты вообще их сгибаешь? – Она потянулась и подёргала его за манжет. – Они как из гипсокартона. Мне бы такие пригодились повесить дома.

– Ох, помолчи, – ухмыльнулся Бен. Он расстёгивал второй манжет, сражаясь с хрустящей тканью. – Накрахмаленное бельё, к твоему сведению, – основа гардероба джентльмена-южанина. – Он рассмеялся, наконец довольный длиной своих рукавов.

– А где твоя форма?

– У меня на этой неделе суд. – Он подёргал галстук, выкручивая его в попытке ослабить.

Лара узнала в синем шёлковом галстуке в полоску один из подарков с его последнего дня рождения. Две недели назад Бену исполнилось сорок – повод для праздника у всех, кроме него. Была вечеринка, неловкое мероприятие с его коллегами из суда и прочими случайными знакомыми. На вечеринке в честь собственного дня рождения Бен вёл себя любезно, но заметно мечтал сбежать до того, как внесут торт. Его секретарша (да, в полиции её до сих пор называли так) единственная обнаружила в водительских правах Бена юбилейную дату, что привело к массовому обзвону по спискам оповещения (да, в полиции ещё пользовались подобным старьём). Поскольку Бен не так давно разошёлся с женой, на вечеринке присутствовали многочисленные вдовы и разведёнки, которые принесли с собой подарки: комнатные цветы, пивные кружки, мячи для гольфа (хотя Бен почти всегда носил форму полицейского и не играл в гольф), а также галстуки всех оттенков синего.

Лара отодвинула вино и развернула стул к собеседнику.

– Ты не обязан носить их *все*, знаешь.

Руки у неё были заняты бокалом, но вместе с тем она чувствовала сильное желание коснуться галстука, пощупать, какого качества шёлк.

– Да чёрта с два я не обязан. – Бен наклонился к ней – она почувствовала его дыхание на шее. – Все смотрят.

Лара фыркнула, и вино пошло носом. Он не ошибся. Как по команде, Дел, владелица «У Делайлы», которая также обслуживала посетителей бара, упёрла руку в бедро.

– Отличный галстук, Бен. Кто подарил?

– Пеппер Магуайр, по-моему.

Лучше бы им было спрятаться в тихом полукабинете, но они всегда сидели у барной стойки. Лара никогда не стеснялась их дружбы – до последнего времени. Недавно она заметила, как посетители ресторана глядят на них поверх своих салатов или выворачивают шеи, чтобы мельком увидеть их вместе. Неужели они делали так все месяцы, а она не обращала на это внимания?

Из ближайшего полукабинета за ними наблюдала Ким Ландау, репортёрка «Керриган Фоллз Экспресс». Она и Бен избегали друг друга с усердием людей, которые случайно переспали, а после пожалели об этом.

– Видела сегодня днём Марлу.

– И как поживает моя бывшая половина? – Бен глянул, как Дел отправляет к нему обычный заказ: неразбавленный виски.

– Они забирала фотографии у Гастона Буше.

– Да, он делает ей все рамки. – Бен отпил глоток «Джемисона». – И далеко не со скидкой, скажу я тебе. – Он покачал головой. – У неё какая-то страсть к рамкам.

– Но она же фотограф.

– Ну, за свадебные фотографии не настолько хорошо платят.

– Я нанимала другого фотографа из города, – сказала Лара, следя за его реакцией. – Он раненько закончил работу.

Краем глаза она видела, что Бен присматривается к ней, не понимая, как расценивать её комментарий. Она засмеялась, чтобы дать ему понять, что шутит над собой.

– Этот ублюдок всё равно содрал с меня деньги за полный заказ.

– А ты будто думала, что он скинет пятьдесят процентов. – Бен сверкнул улыбкой, и всё вокруг как будто стало более чётким. В его лохматых светло-каштановых волосах проглядывали нити седины, которые за время, что Лара его знала, стали более заметными.

Лара сделала чересчур большой глоток вина, наблюдая, как Бен говорит. У него был немного мальчишеский вид из-за неярких голубых глаз – можно было представить почти воочию его фото из шестого класса. На самом деле молодые версии Бена попадались на фотографиях по всему заведению. Стены украшали фото из городского прошлого, зернистые снимки 1970-х годов, чёрно-белые кадры, для которых люди одевались чересчур официально и позировали неловкими группками. Рядом с деревянной стойкой администратора висело фото молодого Бена Арчера из состава бейсбольной команды старшей школы Керриган Фоллз 1982 года: он стоял на одном колене, держа на другом бейсбольную перчатку.

С момента исчезновения Тодда Бен Арчер стал её единственным источником информации обо всех подробностях по поводу Уиклоу-бенд и дела. В недели после несостоявшейся свадьбы у Лары учащался пульс от одного только вида машины Бена Арчера на подъездной дорожке – в надежде, что появилось хоть на волосок больше сведений о местонахождении Тодда. Они вместе разрабатывали новые безумные теории, часто разговаривая до глубокой ночи.

Его квартира находилась всего в пяти домах от Лариного. Нередко они оба работали допоздна и забегали к Делайле пропустить по стаканчику. Пару раз не застав друг друга или разминувшись в дверях, несколько месяцев назад они стали договариваться прийти одновременно. Теперь совместные ужины стали привычкой.

Дел снова вмешалась и принялась описывать особые предложения: южная макаронная запеканка с сыром, ветчиной и креветками.

После того как они сделали заказ, Лара заговорщически наклонилась:

– Ты ещё не рассказал мне про похороны.

На выходных Бен ездил в Шарлоттсвилль на похороны своего колледжского соседа по комнате. Этот его сосед, Уолкер, всего две недели назад узнал, что у него четвёртая стадия рака поджелудочной.

– Ну что ж, это было острое напоминание о моей смертности. – Он поколебался. – Его жена приставала ко мне на поминальном обеде.

Лара вытаращила глаза.

– Быть не может!

– Но увы. – Бен стыдливо кивнул. Редкий случай – чтобы он разболтал что-то подобное Ларе.

– Как?

– В смысле – как? – Он поднял брови в недоумении.

– Ну то есть она что, типа искала хотдог на закуску и нашла его у тебя в штанах?

Он покачал головой и сделал глоток виски, поморщившись, когда жидкость прошла в горло.

– Не совсем. Она положила руку мне на задницу.

Лара засмеялась с удвоенной силой.

– Фу, её мужа едва схоронили.

– Я знаю, – серьёзно сказал Бен.

– Ну и? – надавила Лара. – И что ты сделал?

– Да ничего. – Он довольно расплывчато, на взгляд Лары, пожал плечами.

В продолжении беседы он и дальше обходил молчанием подробности того, что же произошло после поминок. Вполне возможно, он и правда переспал с вдовой. Когда принесли их запеканки, Лару начала беспокоить и уязвлять эта деталь – и она сама удивилась своей досаде.

В последующий час Лара обнаружила, что замечает в Бене Арчере то, чему за девять месяцев их близкого знакомства вовсе не уделяла внимания. Она ощущала некую растущую энергию – как будто занялась первая искра пламени в углублении среди растопки. В первый раз она не спросила у Бена, есть ли какие-то новости о Тодде. Удивительно, но она жила настоящим моментом. Одно лишь это чувство делало внезапное притяжение ещё более интересным.

Да, это – и вино.

Они обменялись мнениями о любимых фильмах Хичкока (её «К северу через северо-запад», его «Головокружение»), любимыми фильмами из бондианы (его «Доктор Ноу» и её ничья между «Бриллиантами навсегда» и «На тайной службе её величества» – на что Бен заявил, что в вопросе фильмов о Джеймсе Бонде не может быть и речи о ничьей, и Лара неуверенно выбрала «Бриллианты»). Бен поспорил, что Лара не сможет перечислить пятьдесят штатов в алфавитном порядке (редкое умение, которое она приобрела благодаря песне «Пятьдесят-шмадесят Соединённых Штатов»), и написал их все на салфетке, настойчиво утверждая, что она пропустила один. (Она не пропустила.)

На протяжении вечера Лара обнаружила, что её *действительно* волнуют его ответы на совершенно обыденные вопросы. Узнавая все эти подробности, она соединяла по точкам, как на раскраске, то, что сформировало Бена Арчера. Истории, которые он ей рассказывал мимоходом, чаще всего – когда она горько плакала по Тодду, нахлынули на неё, как обрывки воспоминаний. Она попыталась повторно собрать их в голове, потому что теперь они были важны. Что Бен говорил ей о своей первой девушке? Где он сделал предложение Марле? Наблюдая, как он говорит, Лара стала напряжённо припоминать все детали своей встречи с Марлой сегодня днём, мысленно сравниваясь с его эффектной бывшей женой. Она судорожно старалась восстановить в памяти все их разговоры. В первые дни её меньше всего волновали его истории и гораздо больше – как они связаны с Тоддом. Но сегодня за ужином их отношения начали меняться. И она позволила себе принять эту перемену.

Лара оглядела помещение, внезапно почувствовав себя неловко из-за того, что люди могут о них думать.

Спустя несколько часов, управившись с макаронами, брюссельской капустой и ещё одним бокалом вина, от которого у неё определённо разболелась голова, Лара начала собирать сумочку.

Дел выдала им один счёт, и Бен Арчер потянулся за ним.

– Тебе не обязательно… – Лара попыталась забрать счётницу из искусственной кожи с поблёкшим логотипом «Американ Экспресс».

– Я знаю. Я должен заставить тебя заплатить за нас обоих. – Он поднял одну бровь. – Лара удивлялась этому его умению. – Мне вдруг подумалось, что среди моей недавней добычи не было никакого подарка от тебя. Я слегка задет. У меня могла появиться зажигалка.

– Ты не куришь.

– Для гриля или чтобы зажигать свечи, – возразил он, просматривая счёт.

– Я ни разу не видела, чтобы вы жарили что-то на гриле, мистер Арчер, и абсолютно уверена, что у вас нет ни одной декоративной свечи.

– Перестань делать такое самодовольное лицо, как будто знаешь меня лучше всех. Подарила бы прихватку в таком случае.

– Ты не готовишь дома. Ты приходишь *сюда* каждый вечер.

– Тогда тонометр!

– Ха, – хмыкнула Лара и распрощалась с Дел. До её дома было два квартала пешком.

Пока они оба шли к своим домам, начался мелкий дождь. Они остановились на улице, где Бену нужно было свернуть налево, а Ларе – направо, и продолжили вести светскую беседу о том, как продвигается ремонт тротуара. Лара помнила, что на следующий день ей не нужно на станцию с самого утра, так что всё было хорошо.

– У меня, видимо, не особо получается. – Лицо Бена слегка раскраснелось.

– Не получается что?

– Заигрывать с тобой. – Он убрал руки в карманы.

– Оу! – Лара рассмеялась, закрыв лицо ладонью.

– И я начинаю промокать, так что, если ты собираешься мне отказать, говори быстро, и я пойду под крышу. Этот, как его, карнавальный вечер в субботу. Тебе нужен сопровождающий?

– Мне не помешал бы сопровождающий, мистер Арчер. И полагаю, вы, как начальник полиции, вполне приемлемый вариант. – Лара сомневалась, не рано ли начинать что-то новое. Она не знала, какие временные рамки предписываются условностями для таких женщин, как она, зато отдавала себе отчёт в том, что с Беном Арчером не чувствует себя героиней трагедии. Мысленно она оценила их обоих: Тодд и Бен, Бен и Тодд. Но не то чтобы у неё был выбор. Один сгинул, а другой стоял перед ней. Может быть, и для неё пришло время снова начать жить.

– Какого цвета у тебя платье?

– Зачем тебе? – Лара снова засмеялась. – Мы пытаемся совпасть гаммой?

– Нет. – Он улыбнулся. – Просто на тебе будет маска. Я хочу знать, кого я ищу.

– Синее, – сказала она. – Платье у меня синее. И я сама тебя найду.

Глава 9

Керриган Фоллз, штат Вирджиния

24 июля 1982 года

В детстве Лара любила бегать через поле, соединявшее ферму её прабабушки Сесиль со старой фермой Лундов, которую приобрёл её дед Саймон Уэбстер. Как два форзаца книги, два поколения её семьи связывало одно поле на отлогом склоне. Пересечь его от крыльца до крыльца можно было за четыре минуты быстрого бега: хронометраж, регулярно проверяемый, когда Лара пыталась успеть на ужин в тот или другой дом.

Тогда Одри и Джейсон всё ещё жили с Саймоном. Дедушкин дом был практически музеем памяти Марго. Саймон не любил, когда кто-либо трогал вещи, а Лара познавала мир кончиками пальцев – липкими от сладостей кончиками пальцев. Поскольку Сесиль была куда более снисходительна в вопросах обстановки, большую часть детства Лара провела у прабабушки. Лишний шум Саймон тоже не любил, так что Джейсон перестроил гараж Сесиль в импровизированную музыкальную студию, где они с группой могли репетировать в любое время, и звук вплывал в затянутые москитными сетками окна.

Лето в Вирджинии было безмятежным: густые поля, волнообразный стрёкот кузнечиков. Как собственный парк развлечений. Лара с друзьями бродили вокруг старого циркового оборудования – фургонов и аттракционов, гниющих в поле, и в результате нашли в одном из трейлеров старый цирковой шатёр: полотно рваное и ветхое, но можно спасти. Джейсон нашёл старые опоры и помог растянуть шатёр над полем.

Незадолго после этого Лара вращала жонглёрский жезл, воображая, что публика наблюдает за её кручёными бросками и фиштейлами. Со дня, когда она видела таинственных мужчину и женщину, прошёл год.

Она работала над рассчитанным кручёным броском с большого пальца, подсчитывая, сколько раз она может большим пальцем прокрутить жезл и поймать его быстрым движением запястья, выставив взятый у Сесиль таймер для варки яиц на одну минуту. Лара считала вслух. Когда время вышло, она сделала пятьдесят два кручёных броска. Кто-то зааплодировал, и она увидела у входа в шатёр того самого мужчину. На этот раз он был один.

– Это правда ты? – Он был одет в золотой костюм, как у Элвиса. К своему удивлению, Лара осознала, что много раз искала его взглядом за этот год.

– Ты боялась, что я лишь плод твоего воображения?

Он облокотился на столб, и Лара подумала, что надо сказать ему так не делать. Все опоры шатра шатались.

Она кивнула:

– Побаивалась.

Сквозь зеркальные стёкла солнечных очков он взглянул на провисшее полотно.

– Вижу, ты поставила старый цирковой шатёр. Скажи, он тебе нравится?

– Очень!

Сквозь вход Лара посматривала за лошадьми – уж они-то хорошо разбирались в людях. Но они просто стояли неподалёку и глядели на мужчину, смахивая хвостами мух.

– Это хорошо. – Мужчина вошёл в шатёр: убогий бежевый с синим навес с неровными дырами и провисающим задником, который Джейсон пытался поправить, подперев сухой веткой. – Цирк у тебя в крови, знаешь.

– Знаю, – пискнула Лара. Она была настолько уверена в себе, насколько может быть только семилетка, о которой всегда заботились взрослые. – Этот цирк принадлежал моей семье.

– Да, – согласился он. – Помнишь женщину, которая была со мной? Это была Марго, твоя бабушка. Цирк назвали в честь неё.

Лара вспомнила красивую молодую женщину и состроила гримаску, подумав о Саймоне Уэбстере, ворчливом старике. Казалось невозможным, чтобы он был женат на Марго, девушке с афиш.

– Она не *настолько* старая.

– Ну, она же мертва, *ma cherie*. Она больше не стареет. – Мужчина улыбнулся и заложил руки в задние карманы брюк. – Это был славный цирк, но твоей семье принадлежал не только он. Есть ещё один. – Его голос изменился, как будто он собирался рассказать ей историю. – Это волшебный цирк, и он твой.

– Мой? – Для Лары это стало новостью. Она выпрямилась. Теперь незнакомец завладел её вниманием.

– Это правда. – Мужчина сделал какой-то пасс руками, и цирковой шатёр слегка приподнялся, как будто ему подставили дополнительные опоры или его потянула вверх невидимая рука. По нему прокатилась волна цвета, бежевые и синие полосы стали ярче. Над ними засияла люстра. Ржавые и выцветшие предметы реквизита, которые она притащила в шатёр, стали клоунами, а большую часть пространства теперь занимала вращающаяся карусель. Мужчина обошёл вокруг неё и встал рядом с Ларой. Девочка удивлённо озиралась. Вот таким был этот цирк? Почему-то она никогда не представляла его настолько красочным. В её голове любой цирк был старым и убогим зрелищем с престарелыми клоунами и заржавевшим оборудованием.

– Как ты это сделал? – удивлённо спросила Лара.

– И ты тоже можешь это сделать, – сказал мужчина. – Попробуй. Заставь карусель вращаться.

Как по команде, карусель остановилась, будто ждала её.

Лара взглянула на незнакомца, как на сумасшедшего, и хихикнула.

– Это глупо. Я не смогу.

– Неправда. – Он с улыбкой склонился к ней. – Ты же заставляла вещи двигаться, разве нет? Ту же доску Уиджа?

Лара широко распахнула глаза. Одно дело – её имя, но знать про доску Уиджа у Карен – совершенно другое.

– Откуда ты…

– Неважно, – отмахнулся он. – Но ты не должна бояться своей силы.

Тем не менее она боялась того, что могла сделать. Здесь и сейчас, когда он выступал перед ней, это было забавно, как фокусы на днях рождения. Лара была своего рода зрителем. Но в отношении её собственных способностей эта сила её пугала.

– Давай. – Он покрутил пальцем. Подобрал крошечный цветочек – белый клевер – и начал вращать стебелёк большим и указательным пальцами.

– Вот, – он вручил ей цветок, – вместо того чтобы думать о карусели, не своди с него глаз. Пока магия ещё новая, она опирается на переживание того, чего ты больше всего хочешь, дорогая. Не на концентрацию. Концентрация придёт позже. Магия знает, чего ты желаешь. Просто желай сильнее.

– Ты же сказал не думать об этом. – Лара пристально смотрела на цветок, неуклюже проворачивающийся в её пальцах.

– Думать и желать – не одно и то же, моя умная куколка. Желание исходит из сердца, не из головы.

Всегда будучи послушной ученицей, Лара попробовала подражать его движениям своими маленькими пальчиками и, к своему удивлению, услышала скрип карусели – та начала двигаться.

– Браво! – воскликнул он и зааплодировал.

Она покачала головой.

– Это ты сделал. Не я.

– Нет. Клянусь, я ничего не делал, малышка. – Он нагнулся к ней. – Ты – та, кто нам нужен. Цирк – *настоящий* цирк – твоя судьба. Однажды ему потребуется, чтобы ты сотворила волшебство, – и я позову тебя. Ты понимаешь?

Хотя Лара кивнула, она не поняла сути его слов – здесь не было ни Сесиль, ни её матери, чтобы перевести их, упростить или дать понятный ей контекст. Она в восторге смотрела, как вращается карусель, и настолько увлеклась, что совсем забыла, что мужчина тоже стоит здесь. Когда движение прекратилось, как будто внутри закончился заряд батарейки, Лара повернулась сказать что-то незнакомцу – но он уже исчез.

Обернувшись, она увидела, что карусель постепенно пропала из виду, и шатёр снова стал грязным, пустым, тусклым и обмякшим. Сверкающая люстра тоже исчезла, и верхняя часть шатра обвисла, как будто не выдержала бы тяжести даже рождественского стеклянного шарика.

– Вернись! – сказала Лара.

Было что-то такое в этом человеке – даже если Лара не понимала точно, что он имел в виду, она знала, что он говорит правду. Её мама тоже могла делать необычные вещи – волшебные вещи. Лара замечала, как Одри отпирает двери, заставляет телефон звонить и даже останавливает грозу на улице – когда не знала, что за ней наблюдают. Один раз Лара слышала, как Сесиль и её мама обсуждают заклинание. Одри что-то повторяла нараспев под руководством Сесиль. Лара распласталась по полу, чтобы подглядеть за ними в щёлку под старой дверью. Она попыталась запомнить слова, но они пели слишком быстро. Всё это было очень увлекательно: тайный ритуал, диковинный язык, мерцающие свечи – свет тускнел по всему дому и снова становился ярким, как будто Одри вытягивала энергию из всего, что её окружало.

Лара чувствовала притяжение в напеве, в словах матери.

Пока магия ещё новая, она опирается на переживание того, чего ты больше всего хочешь, дорогая. Не на концентрацию.

После того как незнакомец показал ей, как изменить шатёр, Лара стала пытаться сама использовать более простые приёмы. Она начала с замка на двери кабинета Саймона. Это была простая дверь, требовавшая маленького движения пазов дверной ручки. Закрыв глаза, Лара подумала не о замке, а о том, как крутит монетку между пальцами. Потом вспомнила стоящую у Саймона банку с конфетами. Тем же утром он наполнил её мятными лепёшками. Лара очень *хотела* мятную лепёшку. Сосредоточившись на своём глубоком желании ощутить хрустящий, сахарный вкус лакомства, она услышала, как щёлкнул замок.

Теперь все её «корректировки» были направлены на то, чтобы починить шатёр. Через неделю Лара вернулась к нему. Она начала с цвета: сосредоточилась на выцветших синих полосах полотна, представляя океанскую синеву. И у неё получилось уговорить обветшалую ткань измениться, Лара увидела, что цвет стал ярче. Следующим шагом, используя собственную руку как модель рычага, она подняла верхушку, как будто подтянула вверх крышку баночки с конфетами. По её приказу шатёр поднялся, и бежевый цвет тоже начал светлеть.

– Карусель, вернись.

Ничего.

– Карусель, вернись! – Лара так громко выкрикнула приказ, что Гомес Аддамс – теперь его звали Сквигги[4] – беспокойно поднял голову.

Лара смогла различить какой-то проблеск, услышала слабое эхо органа, как будто он был где-то далеко, тихий далёкий звук за гранью досягаемости. С растущим нетерпением она повторила: «Карусель, вернись», – и снова увидела мерцающий силуэт, но затем всё исчезло. Одновременно с этим опустился и шатёр, вернувшись в своё прежнее унылое состояние. Лара чувствовала себя измученной. Это было тяжелее, чем вскрывать замки.

[4] Губка.

Она знала, что скажут отец и дедушка – что у неё «богатое воображение». А как бы ещё она себя занимала, будучи единственным ребёнком в семье? Но когда она пошла на место, где стоял тот мужчина, она нашла на земле давно увядший цветок клевера. Это мужчина сорвал его, не она. Она собрала остатки цветка как доказательство реальности того, что видела, и положила лепестки между страницами своей книги сказок «Румпельштильцхен». Месяцы спустя она раскроет книгу и увидит в провощённой бумаге засушенный цветок.

Он сорвал этот цветок. Он был реален. Она не сошла с ума.

Лара каждый день возвращалась на поле. Если уж ей приходилось упражняться в игре на гитаре, можно было поупражняться и в этом. Неделями она натягивала и делала ярче старый шатёр. Однажды Лара даже смогла призвать карусель, но удержала её лишь несколько мгновений, пока та не исчезла. Неделей спустя в грозу шатёр перевернулся, и старая ткань окончательно разорвалась.

Пока продолжалось лето, к Сесиль приезжали пожилые мужчины и женщины, чтобы предаться воспоминаниям о старом цирке, как будто их приносило течением. Бывшие артисты долго ехали на своих старых побитых грузовиках, чтобы посидеть с Сесиль на крыльце, попить чай со льдом или джин «Танкерей» с тоником и повспоминать жизнь в былые времена.

Лара обожала таких гостей. Когда она видела старый пикап на подъездной дороге у дома Сесиль, она мчалась через поле, чтобы посмотреть, кто приехал. Сидя на крыльце, взрослые беседовали, пока Лара играла со своими Барби или Лего, притворяясь, что не слушает, – на деле она никогда не пропускала интересный рассказ. Циркачи были великолепными рассказчиками. Один высокий нескладный мужчина над стаканом джина с тоником плакался Сесиль о потере своей любимой цирковой лошади от колик. Из своего короткого опыта общения с лошадьми Лара вынесла, что они таинственные, хрупкие существа. Мужчина был так расстроен, что Лара решила подарить ему свою игрушку – пластикового светло-жёлтого коня Джонни Уэста, по кличке Молния.

– Вы можете взять мою лошадь.

Лара помнила, что очень любила игрушку, и держала её за ноги, проверяя, что плотно закрепила маленькое коричневое седло из ПВХ. Как будто это было самое выигрышное качество лошади.

Мужчина с признательной улыбкой отказался от игрушки, вытащил из заднего кармана носовой платок и вытер лицо.

Когда он ушёл, Сесиль опустилась на колени и села рядом с Ларой на пол – Лара почувствовала в воздухе запах её духов «L'Air du Temps». Загорелая до черноты, с коротко стриженными седыми волосами и лицом в форме сердца, Сесиль единственная из всех женщин, кого знала Лара, красила губы ярко-красной помадой, но сейчас, после затянувшегося приёма гостей, яркий цвет поблёк.

– Ты так мило поступила, Лара. Это было очень трогательно. – У Сесиль до сих пор сохранялся сильный французский акцент, и Лара временами обнаруживала, что сама считает *«un, deux, trois»* или говорит *«n'est-ce pas»*[5].

Лара пожала плечами и заставила Молнию скакать галопом.

– Да это пустяки. Мне просто захотелось о нём позаботиться.

– Какие любопытные вещи ты говоришь. – С акцентом голос Сесиль звучал особенно музыкально.

– Он сказал, что цирк – моя судьба.

– Кто сказал?

Лара посмотрела в сторону. Она не хотела рассказывать *о нём*.

– Лара? – с нажимом переспросила Сесиль, в её голосе появилась обеспокоенность.

---

[5] Не так ли? *(фр.)*

– Мужчина в поле. – Лара опустила глаза в пол.

– *Какой* мужчина в поле? – Сесиль повысила голос.

Лара пожала плечами.

– Просто мужчина. Иногда с ним ещё бывает женщина. Марго.

Сесиль выглядела потрясённой.

– Где ты его видела?

Лара указала на поле за собой.

– Последний раз – когда мы поставили шатёр.

– Повтори мне точно, что он говорил.

Прабабушка развернула Лару к себе и привлекла ближе. Что-то в дыхании Сесиль пахло, как рождественская ёлка.

Лара пересказала Сесиль всё в деталях, включая карусель, и лицо прабабушки всё больше вытягивалось. Тревога в её голосе была очевидна. Она засыпала Лару вопросами, как будто та сделала что-то плохое.

– Ты никому не должна рассказывать об этом. Никогда и ни с кем об этом не говори, поняла меня? Забудь о нём.

Лара кивнула. Она боялась, что Сесиль сердится на неё.

– Я… Я что-то не так сделала?

Сесиль долго собирала губы в улыбку, но потом просияла:

– Нет, дорогая. Ты всё сделала правильно.

Хотя Лара тогда послушалась Сесиль и никогда больше никому не рассказывала о странном человеке в поле, он что-то в ней высвободил. Мановением руки или щелчком пальцев она могла заставлять вещи двигаться.

Небольшие корректировки, как она стала это называть.

– Кто он? – однажды спросила Лара у прабабушки незадолго до её смерти. Ларе не нужно было уточнять, кого она имеет в виду. Сесиль отлично её поняла.

– Его зовут Альтаказр, – сказала Сесиль. – И добра от него не жди.

С портала THE NEW DEMONPEDIA.com

Альтаказр [альта-ка-зр]. Также встречаются варианты написания Альтаказар [ал-та-каз-ар] и Альтаказур [ал-та-каз-ур]. Один из князей Ада, часто его называют «Королём Ада», считается одним из наиболее могущественных демонов, главным образом вследствие того, что он отвечает за плотские удовольствия, тщеславие и похоть, что даёт ему наибольшее число легионов [низших демонов]. По преданию, он управляет восьмым уровнем Ада, куда после смерти отправляют совершивших подведомственные ему грехи. Согласно некоторым текстам, река Стикс течёт главным образом через восьмой уровень Ада, делая Альтаказра ещё более влиятельным за счёт того, что другие демоны должны платить пошлину, чтобы пересечь главную реку преисподней.

В преданиях он часто изображается красивым самовлюблённым мужчиной с волнистыми волосами и янтарными глазами, которые он, разгуливая среди смертных, скрывает стёклами солнечных очков ввиду зрачков горизонтальной формы – черты преисподней, которую невозможно скрыть. В Британском музее представлена картина 1821 года «Альтаказар» кисти Бишопа Уорта, демон на ней изображён в своей характерной пурпурной мантии. На этой картине у Альтаказра голова барана, а из спины растут кожистые драконьи крылья. Некоторые биографы Уорта (в частности Констанс ван Хью в книге «Уорт: его жизнь») утверждают, что демон позировал для портрета, в то время как многие исследователи творчества художника отклоняют эту идею как вздорные домыслы. Источником утверждения ван Хью послужили записки дочери Уорта, которая писала, что неоднократно встречала демона в гостиной, пока её

отец работал над картиной, и «со сложенными крыльями он [Альтаказр] был вполне в состоянии отдать должное вечернему чаепитию».

Альтаказр занимает заметное место в книге 1884 года «Дева и демон», романе Эндрю Уэйнрайта Кольера; по сюжету Альтаказр влюбляется в смертную женщину, Эйрин, и начинает злоумышлять против всех претендентов на её руку и убивать их, что приводит к полному краху её репутации как девицы на выданье. В результате Эйрин совершает самоубийство, выпив яд. В преисподней Люцифер в качестве дара отдаёт её Альтаказру в жёны. После Альтаказр мучается в браке с Эйрин – она обижена на него и никогда не сможет его полюбить. То, что девушка сохранила память о своей человеческой жизни, трактуется как возмездие от других демонов, которые ненавидят Альтаказра из-за его растущей мощи. Пытаясь помочь своему любимцу, Люцифер изгоняет девушку к ангелам, поскольку для Ада она слишком чиста сердцем. В романе Альтаказр – трагический персонаж, раздираемый на части собственной жаждой обладания и завистью остальных демонов Ада.

Интересно отметить, что второй женой Эндрю Уэйнрайта Кольера была актриса Юнона Вагнер, которая сыграла девушку Эйрин в лондонской инсценировке романа в 1902 году. 9 октября 1904 года Вагнер умерла родами. Кольер до самой смерти уничтожал все существующие копии «Девы и демона», утверждая, что демон Альтаказр виновен в смерти его жены. Кольер никогда не упоминал, что случилось с ребёнком, которого носила Вагнер, но предполагается, что ребёнок тоже умер. После смерти Вагнер сам Кольер был нездоров, и некоторые полагают, что на самом деле его обвинения в смерти жены относятся не к Альтаказру, а к спектаклю – потому что беременная актриса вопреки рекомендациям врачей посетила Париж, чтобы увидеть представление по пьесе, и заболела. Кольер умер 23 декабря 1905 года. Его друг Пирс Бакли говорил об этом так: «Кольер в конце жизни несколько повредился в уме, и все его мысли касательно Юноны, к сожалению, были бредом безумца».

В предисловии к изданию «Избранные произведения Эндрю Уэйнрайта Кольера» Жак Мурье, журналист газеты «Ле Фигаро», который служил у писателя референтом, упоминал, что перед смертью Кольер заявлял, будто Вагнер совратил дьявол. «Он пришёл к ней однажды вечером после выступления – франт в чёрном жилете, с вьющимися каштановыми волосами. Кольер подозревал, что у его жены начался роман с этим мужчиной, и сравнивал негодяя с вампиром, который высосал из неё жизнь». Многие последователи демонологии подозревают, что «вьющиеся волосы» – указание на Альтаказра и что заявления Кольера были верны в том смысле, что его жену соблазнил один из наиболее могущественных демонов преисподней.

В **«Демонической Энциклопедии 1888 года»** запись о нём гласит: «*… хотя Альтаказра нередко описывают как привлекательного и остроумного персонажа, он часто становится жертвой собственной похоти и её последствий. Его вспыльчивый нрав считается наиболее непостоянным среди всех князей Ада, что также приводит к безрассудным поступкам. Свойственное ему обаяние часто принимают за легкомыслие, и это фатальная ошибка, поскольку он наиболее тщеславный и беспощадный из полководцев Ада. Он считается любимчиком Люцифера и частым антагонистом ангела Рафаила*».

В современной истории

Приглашённые на ужин

Демон Альтаказр существенно повлиял на оккультное шоу фокусника Филиппа Анжера. Всегда много говорили о демонической направленности шоу Анжера, особенно после того, как, по слухам, волосы оккультиста за одну ночь превратились из чёрных в огненно-рыжие. Анжер погиб на знаменитой дуэли в 1898 году в Булонском лесу. Во время закрытого ужина в Париже Анжер, как утверждается, предсказал судьбу всех своих сотрапезников – известных парижских

интеллектуалов. Опять же по распространившимся слухам, предсказания были мрачными – тюремное заключение, яд или самоубийство. В последующие годы его слова якобы начали сбываться, и в результате последний из приглашённых на ужин, журналист Жерар Карон, в газете «Ле Паризьен» обвинил Анжера в приверженности сатанизму и вызвал на дуэль. Она произошла на одной из лужаек Булонского леса, пистолет Анжера дал осечку, и тот был смертельно ранен, но медленно умирал ещё в течение нескольких дней. Карон, страдая от чувства вины, покончил с собой, застрелившись из пистолета Анжера, который на этот раз «выстрелил с блеском», по свидетельствам очевидцев.

После его смерти многочисленные источники утверждали, что Анжер оплодотворил нескольких своих ассистенток по шоу и принёс в жертву собственных новорождённых детей, чтобы умилостивить демона Альтаказра. Эта история легла в основу мюзикла «Приглашённые на ужин».

История Роберта Джонсона

Хотя чаще всего утверждается, что легендарный блюзовый гитарист Роберт Джонсон встретился на перекрёстке в Кларксдейле, штат Миссисипи, с самим Люцифером, некоторые предполагают, что на самом деле роковую сделку из легенды с ним заключил демон Альтаказр. Знаменитый гитарист умер 16 августа 1938 года в Гринвуде, штат Миссисипи.

«Чертовски бурная молодость»

Альтаказр играет заметную роль в ситкоме «Чертовски бурная молодость» как антагонист ангелов Гавриила и Рафаила; в сериале они соседи по комнате и живут в современном Сан-Франциско. Его роль в 1–2-м сезонах исполнил актёр Джейкоб Бруди, в 3–5-м сезонах – Элайджа Хант.

Глава 10

Керриган Фоллз, штат Вирджиния

21 июня 2005 года

Почему она ни разу не подумала поискать его в интернете? Чёрт возьми, она же гуглила столько информации о мёртвых музыкантах. Её любимая находка: что Мама Касс[6] и Кит Мун[7] оба умерли в одном возрасте, в тридцать два года, в одной и той же квартире в Лондоне. Но в этом случае понадобилось, чтобы Карен напомнила ей имя. *Альтаказр.*

Лара неверяще посмотрела на статью, потом нажала «Печать». Неужели мужчина, который приходил к ней в поле, был одним из главных демонов – так называемым «Королём Ада»? Лара попыталась вспомнить, представлялся ли он ей хоть раз. Нет, это Сесиль впервые произнесла имя, звучавшее, как прозвище мультяшного злодея, сродни Гаргамелю[8].

Наверняка Сесиль ошиблась. Его имя звучало похоже на это слово. Сама Лара тогда была ребёнком. Может быть, она не так услышала. Но потом были совпадающие с именем буквы на спиритической доске. Ларина семья использовала простенькую магию – все эти замки, платья. Этот Альтаказр был существом совершенно иного рода.

Пока Лара собирала сумочку и искала помаду, она продолжала подбирать распечатки и перечитывать их снова и снова, ища сходство между описанием и мужчиной, которого она видела. Самовлюблённый? Безусловно. Вьющиеся волосы? Есть. Но была ещё строчка, которая заставила её похолодеть: «янтарные глаза, которые он, разгуливая среди смертных, скрывает за очками с тёмными стёклами из-за горизонтальных зрачков – черты преисподней, которую невозможно скрыть».

Из всего, что она прочитала, эта строчка выглядела наиболее конкретной деталью. Но тогда возникал вопрос: если её навещал главный демон, что ему было нужно? В какой-то момент, так он сказал, он позовёт её. Лара села – у неё дрожали колени. Это и был источник её магии? Это из-за него Одри настаивала, чтобы они скрывали свои способности?

После открытия замков и опустошения дедушкиных банок с конфетами Лара перешла к копированию подписи матери и научилась зачаровывать телефон, чтобы он звучал любым голосом, какой она хотела. Когда она стала старше, эти навыки пригождались, когда она хотела получить разрешение поехать на экскурсию. Достаточно натренировавшись, она легко имитировала голоса матерей своих подруг и гуляла допоздна, пока Одри думала, что она благополучно спит дома у Карен.

Её непреднамеренно раскрыла мама Карен. И Карен, и Лара страдали от аллергии, и им требовались еженедельные инъекции. Как-то весной в кабинете врача миссис Джексон походя поблагодарила Одри за разрешение Карен так много ночевать у Барнсов. В действительности обе девочки тайком сбегали на всю ночь в боулинг. Лара всегда соблюдала осторожность и не давала Карен услышать, как она звонит, не желая втягивать в это подругу. Когда миссис Джексон подробно распространялась о щедрости и гостеприимстве Одри по отношению к Карен, Лара в ужасе закрыла глаза.

С резким треском из чековой книжки Одри был вырван счёт доктору Маллигану на три доллара.

– Ты понятия не имеешь, что такое вырасти без матери, потому что она сошла с ума из-за магии. – Одри молчала, пока они не повернули на собственную извилистую подъездную дорожку. – Я избавила тебя от этого. Уверена, очень весело, когда у тебя на заднем дворе

---

[6] Касс Эллиот – американская певица, вокалистка группы «The Mamas & the Papas».

[7] Кит Джон Мун – британский барабанщик, наибольшую известность получивший как участник рок-группы «The Who».

[8] Гаргамель – персонаж из мультсериала, фильмов и комиксов «Смурфы», антагонист.

стоят старые аттракционы, но твои друзья никогда не дразнили тебя «уродом» из-за того, что ты работаешь в цирке. Меня дразнили. Ты можешь думать, что всё это мило и забавно, но привлекать к себе внимание опасно.

Когда Лара вернулась домой, наказание было быстрым, но тихим. Раз источником проблемы был телефон, Одри заколдовала его, чтобы Лара неделю не могла никому звонить. Интересно, но мать никогда не говорила Джейсону ни о том, что сделала Лара, ни о её наказании. Только тогда Лара поняла, что Одри скрывает от отца способности обеих. Магия была постыдным секретом.

Она выключила компьютер и посмотрела на часы. Скоро приедет Одри забрать её в цирк. Лара в несколько раз сложила распечатку статьи об Альтаказре и засунула её глубоко в сумку.

Каждый июнь цирк Риволи из Монреаля две недели стоял на одном из открытых полей возле шоссе на фоне гор Голубого хребта, темнеющих над куполом на закате. Остановка в Керриган Фоллз была данью уважения цирку Марго; многие его артисты после закрытия нашли работу в канадской труппе. Связи между семьями циркачей установились очень крепкие, и даже дети многих умерших членов труппы всё ещё помнили их истории о старом цирке. Риволи из Монреаля заезжали на большинство старых стоянок Цирка Марго, так что истории двух компаний были основательно переплетены.

После начала сезона цирк Риволи выступит в двенадцати городках в Теннесси, Джорджии, Алабаме и Миссисипи, а затем отправится на зиму на юго-запад и обратно в Канаду – обновить программу для следующего года.

Билеты было трудно добыть, но Одри всегда удавалось получить от семьи Риволи лучшие места. Своё цирковое наследие мать скорее терпела, чем принимала с радостью, но лошади на арене были одними из самых потрясающих цирковых животных. По этой причине Одри всегда следила, чтобы им с дочерью выдали места в середине первого ряда.

Фирменные шатры в сине-зелёную полоску соединялись в торговые ряды. Лара и Одри прошли через парадный вход, перед ними по обеим сторонам широкой дороги к куполу выстроились палатки с едой и другими ярмарочными развлечениями: гадания, продажа сувениров, игровые автоматы.

В ночном воздухе внутри главного шатра веяло прохладой. Наверху тяжело свисала с центра купола сине-зелёная вычурная люстра, напоминающая стеклянные шедевры Дейла Чихули. Лару восхищало внимание цирка Риволи к деталям, от реквизита до звукового сопровождения и торговых лотков. Их представления всегда были сделаны со вкусом и на высоком уровне в отличие от мелких ярмарочных балаганов, которые приезжали каждую осень, катая детей на ржавых колёсах обозрения и продавая разбавленную водой колу.

Представление началось: в шатре погасили свет, и в темноте засверкало синим и зелёным световое шоу, яркое, как в Лас-Вегасе. Риволи – редкость среди цирков! – до сих пор путешествовали с большим симфоническим оркестром. Повисла таинственная эффектная пауза. Где-то среди публики кашлянул мужчина, затем заплакал ребёнок. Под самым куполом зажёгся небольшой прожектор – оттуда спускалась фигура светловолосой девушки в светло-зелёном трико с блёстками; она плавно скользила по тканевому канату, сматывая и разматывая его по мере снижения. Когда она двигалась, ткань обвивалась вокруг её тела и спадала, и возникала иллюзия, что гимнастка сперва кружится, а потом отпускает канат и ловит себя уже в иллюзорном свободном падении. В оркестре под ней одинокая солистка негромко пела на французском, ей аккомпанировала группа электрических струнных.

В цирковом шоу имело большое значение, что артист может сорваться. Канат может лопнуть, рука – соскользнуть, но точность движений и опыт, так же как удача и талант, повышали шансы сегодняшней маститой исполнительницы, которая теперь крутилась, зажав верёвку в зубах. Хотя шансы катастрофы были сравнительно невелики, каждый новый оборот воздушной гимнастки, сопровождавшийся напряженными движениями ее бицепсов, приводил публику в

восторг, заставляя сдвигаться ближе к краю сидений. В этом номере идеально сочетались зрелищность и напряжённость: красота, переплетённая с опасностью.

А затем их стало двое – присоединилась вторая воздушная гимнастка в трико насыщенного синего цвета. Акробатки одновременно поворачивались и крутились, следуя безмолвному расчёту, в соответствии с которым они перелетали с одного каната на другой в сложной воздушной схеме. Когда установился стабильный ритм, появился третий акробат.

Лара вытянула шею и заметила, что под артистами не было страховочной сетки, только пол с мягким плотным покрытием, напоминающий коврик для борцов, который не помешает гимнасту сломать ногу или разбиться, если хотя бы секунда времени будет упущена. И эта потенциальная возможность падения делала зрелище таким изумительным, что у Лары заколотилось сердце. Она плакала на бродвейских шоу под впечатлением от искусства и эмоций живого выступления, но не могла вспомнить, чтобы когда-либо смотрела номер с таким восхищением, как сейчас, – даже в детстве. Движения гимнастов были ловкими и изящными, как будто зрители следили за танцем в воздухе – так могли бы танцевать птицы, если бы у них выросли руки и ноги. Трое акробатов скользнули вниз, эффектно заканчивая номер, и толпа разразилась бешеной овацией.

Началось следующее выступление, более классический номер на трапеции с качающимися опорами, такое Лара частенько видела в цирке. Четыре артиста невесомо изгибались и прыгали в воздух, легко совершая перехваты, как будто на самом деле поддержка была для них необязательна. В том, как они жонглировали собственными телами высоко над толпой, хватались за перекладину и разворачивались к мостику, где их ловили уверенные руки, ощущался постоянный счёт. Один гимнаст заменял другого, руки тянулись, тела крутились штопором и плавно достигали мостика, только чтобы развернуться и повторить те же движения заново – с лёгкостью, с какой за карточным столом перетасовывают колоду. Они походили скорее на предметы, которыми жонглируют на арене, чем на живых людей из плоти и крови, поэтому Лара, почувствовав заминку в счёте, схватила ртом воздух. Всего один небольшой рывок не в такт – и вольтижёрка потеряла хватку на руке ловитора.

По наитию Лара вспомнила свою детскую игру, в которой неестественная перспектива делала человека крошечным, позволяя «сжать» его пальцами. Используя тот же метод, Лара вслух сказала «Нет!» и подставила руку под падающую гимнастку, держа её на ладони, словно крошечную марионетку. «Вверх, вверх», – прошептала Лара, поднимая руку. Для наблюдателя со стороны она выглядела бы держащей воображаемую чайную чашечку. В то же мгновение акробатка, судя по всему, почувствовала, что твёрдо стоит на невидимой стеклянной поверхности. Инстинкт сработал, и девушка качнулась в сторону ожидающей хватки ловитора.

– Что ты делаешь? – прошептала Одри на грани слышимости, округлив глаза. – Прекрати.

Её слова прервали концентрацию Лары, и она почувствовала, что на мгновение чары разрушились. Гимнастка снова споткнулась.

– Вверх, – сказала Лара, больше не обращая внимания на мать и заново сосредоточившись на артистке. – Вверх, вверх.

Она начала покрываться потом. Вспомнилось, что *он* сказал ей в шатре: *«Не своди глаз с цветка»*. Ничего сложного, всё равно что открыть замок. *«Я смогу это сделать»*, – подумала Лара.

Закрыв глаза, она повернула гимнастку пальцем на необходимую четверть оборота, чтобы та добралась до протянутых рук ловитора. То, что Ларе и артистке показалось вечностью, на деле заняло считаные секунды. Пропущенный перехват, вероятно, прошёл незаметно для всех остальных.

Уверенная, что сделала всё правильно, Лара открыла глаза и вытянула шею, чтобы увидеть, что происходит на арене. Гимнастка парила, словно плыла по воздуху, пока Лара поворачивала её пальцем. Девушка вытянулась навстречу ловитору, его новая попытка оказалась

удачной, и он крепко схватил её руки. Восстановив ритм, команда закончила номер. Только в самом конце, после того как они спустились с канатов, Лара явственно увидела, что у молодой девушки дрожат ноги. Лара глянула в сторону – Одри пристально наблюдала за ней, вскинув брови.

Лара совершила «корректировку» на глазах у всех. Нарушила запрет. Хотя она чувствовала себя виноватой за то, что ослушалась Одри, это было гораздо важнее, чем переделка свадебного платья. За секунду благодаря точному приказу она спасла человеку жизнь. Несомненно, немного магии на публику стоило того, чтобы предотвратить катастрофу. Хотя спасательная операция заняла всего несколько секунд, Лара знала, какое значительное мастерство потребовалось, чтобы удержать паникующую девушку в воздухе даже на такой короткий промежуток времени. Её способности возрастали. У неё не было сомнений, что сейчас она могла бы вернуться в поле и без особых усилий притянуть обратно карусель – и даже восстановить шатёр.

Представление продолжалось: на арене появились клоуны, ещё один номер на трапеции, три слона и в финале – наездница, любимый номер Одри. Вышел белый конь в нарядном плюмаже; пока он кружил по арене, длинная развевающаяся грива неистово хлестала его по спине. Хотя Одри сама прекрасно ездила верхом, она никогда не предлагала Ларе научиться. Став старше, Лара поняла – из опасения, что падение в её случае может привести к разрыву единственной почки.

На спине коня, просчитывая вперёд ритм галопа, стояла наездница, рыжеволосая девушка в зелёном трико с блёстками и бахромой. Она привлекла внимание публики, проехав два полных круга по арене, и выгнулась в мостик, когда лошадь пошла по меньшему кругу. Затем сделала кувырок вперёд, взлетев в воздух и приземлившись обратно на спину коня с идеальной синхронностью. После этого молниеносным движением она слетела вниз и повисла на одной ноге, пока конь шёл уверенным и устойчивым галопом. А затем на арену выбежала вторая лошадь, и наездница ещё более рискованно перепрыгнула с одной лошади на другую и наконец поехала верхом, как гладиатор, направляющийся домой с победой, – и, по сути, им она и была.

Хотя этот номер должен был бы привести Одри в приподнятое расположение духа, когда зажгли свет, она выглядела расстроенной.

– То, что ты сделала… Это было опасно.

– Я не могла дать ей погибнуть.

Одри не ответила.

– Матушка?

– Знаю, – наконец напряжённо выдала Одри сквозь зубы. – Сделать такое требует большого умения. Ты среагировала мгновенно. Это тебе не двадцать минут на взлом замка.

Лара ответила ей недоумённым взглядом.

– Конечно, я знала, что все замки в доме сломаны из-за тебя, Лара. Ты считаешь, моя магия никогда не проявлялась подобным образом? Я как-то покопалась в плите и нечаянно включила газ. Чуть дом не взорвала. Хотя бы до этого у тебя не дошло.

– Если бы я не помогла ей, помогла бы ты.

Одри снова не стала отвечать. Она махнула в сторону купола:

– Твоя выходка означает, что ты становишься сильнее.

– Сильнее, чем?..

– Сильнее, чем я.

Пока они шли молча, Лара обдумывала слова матери. Почему она становилась сильнее? Одри утверждала, что не практикуется в магии из принципа, но Лара в это не верила. Однако увиденное её напугало.

Они вышли наружу в торговую зону, где продавали футболки и кружки и артисты позировали для фото. Лара заметила павильончик гадалки. Мадам Фонсеки, однако, нигде не было, вместо неё напротив единственного пустого павильона в ряду стоял молодой парень.

– О, ты посмотри, стоит там совсем один. Жалко его.

– Тогда иди, попроси тебе погадать, – сказала Одри, копаясь в сумочке. – Время есть, толпа ещё не разошлась. Ужас просто, как мы будем отсюда выбираться. Уж кому, как не тебе, не помешало бы предсказание судьбы.

Лара поморщилась и подошла к мальчишке – вряд ли ему было больше восемнадцати.

– Ты не похож на Мадам Фонсеку. – Лара указала на банальную до комизма вывеску, на которой старуха в тюрбане наклонялась над магическим шаром.

– Она два дня как умерла. – В речи парня угадывался заметный южный выговор, Алабама или Миссисипи, Лара не смогла точно определить.

– Ох. – Лара и не задумывалась, что Мадам Фонсека была так стара. – То есть ты, наверное, Месье Фонсека?

– Да чёрта с два. – Паренёк поклонился. – Шей Спир к вашим услугам, мэм.

На нём был великоватый ему синий балахон с зелёной отделкой, похожий на одежды хористов.

– Симпатичный балахон, – солгала Лара.

– У меня и зелёный есть, – невозмутимо сообщил Шей.

– Не сомневаюсь!

Она последовала за предсказателем в небольшой занавешенный закуток с отделкой из тёмно-синего бархата. Они как будто оказались в шкафу. В комнате пахло леденцами. Шей сел напротив Лары и включил настольную лампу.

– На картах или по руке?

– Да не знаю. Как удобнее?

– Мне? – Он задумался. – По руке.

Лара протянула ему руки ладонями вверх. Шей прикоснулся к ним и нахмурился.

– Как же ты оказался на этой работе? – Она решила начать с вежливой беседы.

Паренёк продолжал изучать её ладони. Откуда-то из-под занавеса пробралась внутрь маленькая бурая обезьянка в ярко-зелёном смокинге.

– Привет, Мистер Тисдейл. – Шей наклонился к ней. – Готов поклясться, ему нравится подслушивать мои сеансы. – Он подобрал обезьянку и ласково усадил к себе на колено. – А работа… Думаю, можно сказать, что у меня есть дар. По поводу всяких дел с мёртвыми – я вижу то, что другие не видят. – Он повозил пальцами по столу. Его нога энергично подрагивала, почти подбрасывая обезьянку. – Они как будто спрятаны за маминой грязной занавеской – когда-то чистым прозрачным тюлем. Так что одно время люди платили мне деньги, чтобы я сходил в место, где умер кто-то, кого они любили. Знаете, посмотреть, смогу ли я почувствовать их энергию и поговорить с ними.

Этот паренёк был как заводная игрушка – трещал, не переставая, кажется, даже не прерываясь, чтобы сделать вдох. Лара подумала, что он, должно быть, нервничает, работая на месте Мадам Фонсеки. Она была легендарной старухой.

– Сначала я работал только с местными, которые обо мне знали, – ну там, матери, у которых пропали дети. Родители всегда ждут ответов. – Он снова вернулся к Лариной руке, перевернул её и внимательно осмотрел её пальцы.

– Вот потому в то первое лето я уйму времени потратил, стоя в жуткой дыре на Кантироуд, 68, в Алабаме, где эти временные самодельные кресты около крутых поворотов, или на Десятой автостраде – шёл по краю дороги, пока мимо свистели фуры.

Он посмотрел на Лару, словно она должна была знать, где находится Десятая автострада.

– Но потом меня нашла Мадам Фонсека, когда она была в Монтгомери, и она помогла мне отточить моё «ремесло», как она это называла. И картам меня обучила.

Лара выдохнула. История закончилась. Шей снова повернул Ларину руку ладонью вверх. Обезьянка потянулась и коснулась линий на её ладони. Из-за её выразительных карих глаз и почти человеческого личика казалось, что зверёк относится к этому очень серьёзно.

– Я знаю, Мистер Тисдейл, – кивнул Шей. – Я тоже это вижу. Невероятно, но этот малявка очень точно определяет *самое главное* в каждом чтении.

– Мой жених оставил меня у алтаря девять месяцев назад, – саркастически хмыкнула Лара. – Это он и определил?

Шей Спир с прищуром разглядывал её лицо, как будто пытался взглядом пробурить в ней скважину. На носу у него набух здоровенный юношеский прыщ, и Лара ехидно задумалась, укажет ли Мистер Тисдейл и на это.

Шей закрыл глаза – наверняка сугубо напоказ.

– Ничего.

– Ничего? – То же самое Одри сказала в день её свадьбы.

– Ну, случается. – Он как будто извинялся перед партнёршей за то, что у него не встал. – Иногда они… не здесь. Как ваш жених. Он… ушёл.

– Ну, чёрт возьми, а то я не знала, – огрызнулась Лара. – Куда он ушёл?

– В никуда. – Шей пожал плечами. – Этот мальчик – не твоя судьба.

– Что ты сейчас сказал?! – Лара поневоле повысила голос и наклонилась вперёд. Те же слова произнёс мужчина в поле много лет назад.

– Он не важен.

Нет уж, для Лары он был важен – а также был единственной причиной, по которой она тратила деньги, чтобы этот грёбаный мальчишка потискал её руку.

– Кто ты такой?

Шей Спир быстро схватил Лару за запястье и рванул её руку вниз. Дешёвый столик задрожал и чуть не опрокинулся. Парнишка склонился к ней так близко, что Лара почувствовала запах его жвачки с корицей. Лара заволновалась, не пытается ли он её поцеловать, и мысль об этом отбросила её назад. Эта перспектива, кажется, оттолкнула и Мистера Тисдейла – обезьянка соскользнула с колена Шея и, вереща, поскакала из комнаты.

– Я вижу тёмную магию… Тёмный Цирк в тебе, девочка. Это твоя судьба. – Его голос больше не был мальчишеским, он приобрёл глубину оперного баритона. И откуда взялся этот русский акцент? – Ты – часть Дьявольского Цирка. Ты ключ к нему, ты одна. Но берегись! Она знает это, и она идёт за тобой. Она хочет твоей смерти.

Шей помотал головой и глянул на Лару из-под сальной чёлки.

– …Что я сказал?

– Ты не знаешь? – Лара баюкала больную руку, пытаясь понять, останется ли синяк.

– Оно само приходит. Вот почему я предпочитаю работать с руками.

– Ну, ты бормотал что-то о Тёмном Цирке. И звучал как-то… с русским акцентом.

– Тайный Цирк? – Он удивлённо округлил глаза. – Я? – Мальчишка выглядел неважно, почти болезненно. – Готов поспорить, это Мадам Фонсека опять через меня вещает. Ненавижу, когда она так делает. Я и сам справляюсь, без её вмешательства в каждый грёбаный сеанс.

– Ты сказал «Тёмный Цирк», а не «Тайный Цирк». – Лара взглянула на потолок – не висит ли там призрак Мадам Фонсеки?

– Это одно и то же. – Шей дёрнул плечом. – Кто-то зовёт его Тайным, кто-то – Тёмным.

– А какое отношение этот цирк имеет ко мне?

– Понятия не имею. Зависит от того, что я сказал. – Мальчишка осмотрелся по сторонам рассеянно, как будто хотел покурить. – Эй, а где Мистер Тисдейл?

– Сбежал, когда ты заговорил странным голосом.

– Ох блин, серьёзно? Выбежал? – Шей посмотрел под столом, потом задрал голову, везде высматривая маленькую обезьянку. – О нет, надо его найти. Он на свободе влипнет в неприятности.

Мальчишка аж вспотел.

– Этого только не хватало. – Лара закатила глаза. – Ещё ты сказал, что я в опасности и что некая «она» хочет моей смерти. Кто хочет моей смерти?

Он всё ещё был в некотором смятении и с усилием сглотнул: кадык прокатился по горлу.

– Мэм. Если я так сказал, вы в очень большой опасности. Вы простите, но я в таких вещах никогда не ошибаюсь. Мадам Фонсека говорила, у меня дар – и так и есть. – Он залез под стол, вытащил серый ящик для сбора денег и со стуком поставил перед Ларой. – С вас двадцать долларов.

Когда Лара выходила из кабинки Мадам Фонсеки, у неё слегка кружилась голова. Что за чертовщина здесь творилась? Боковым зрением она различила, как колыхнулась занавеска. Из-за неё появилась крохотная лапка, а следом – обезьянье личико.

– Мистер Тисдейл?

Обезьянка опасливо осмотрелась, будто что-то её пугало, и подошла к Ларе, неуверенно, как робкий пёс. В протянутой лапке был какой-то пакет.

– Это мне? – Лара нагнулась. С каждой минутой странностей в этом цирке становилось всё больше.

Стоило Ларе забрать пакет, обезьянка удрала. Лара изучила подарок: причудливый плоский конверт из плотной блестящей золотой бумаги. Конверт был адресован «*Мадемуазель Ларе Барнс*». Лара подцепила пальцем конец клапана, но бумага не поддалась.

Попытавшись ещё раз, она противно порезалась о край.

– Чёрт!

Капля крови упала на клапан конверта, и он сразу отклеился. Слизывая кровь с пальца, Лара другой рукой открыла конверт. Внутри лежала старая общая тетрадь: бежевая обложка до того потрёпанная, что сделалась коричневой.

– Это ещё что такое? – Когда её нашла Одри, Лара посасывала порезанный палец, держа конверт на отлёте. Мать дала ей носовой платок из сумочки и забрала неожиданный подарок из её рук.

Лара пожала плечами.

– Мне его дала обезьянка.

– Обезьянка? – заинтересовалась мать.

– О, поверь мне, это не самое странное, что происходило со мной сегодня.

Пока мать держала конверт, Лара вытащила наружу толстую тетрадь, а Одри тем временем перевернула плотную бумагу и осмотрела клапан.

– Странно. Адресовано тебе. Наверное, от кого-то из наших бывших циркачей. Я даже не знала, что кто-то из них здесь.

Лара начала перелистывать страницы, мать заглядывала ей через плечо. Рукописный текст явно относился к другому веку, почерк петлистый и вычурный в отличие от беглой скорописи поколения Лары – сейчас люди во всём гнались за скоростью. Со временем чернила сделались почти одного цвета с бумагой: выцветшие тёмно-коричневые буквы, аккуратные и чёткие, с большими петлями на заглавных. Все записи были на французском языке. Лара могла разобрать имена: Сильви и ещё какое-то на Э. Она некогда свободно владела французским и удивилась тому, что утратила навык, но ей всё равно не терпелось открыть текст и начать переводить.

Мать взяла тетрадь в руки и с прищуром посмотрела на обложку.

– Мне бы мои очки для чтения.

– Как ты думаешь, что это?

– Я бы сказала, что дневник. – Одри с любопытством пригляделась к надписи. – Датирован 1925 годом.

На дневнике значилось: «LE JOURNAL DE CECILE CABOT»[9].

Лара осторожно коснулась страниц, словно те могли рассыпаться от прикосновения.

– Тебе это всё не кажется странноватым?

– Ну… – Одри вытащила из сумочки ключи. – Я бы на твоём месте никому не говорила, что тебе его дала обезьянка. Но только…

– Что?

– Я и не подозревала, что Сесиль вела дневник.

– Судя по всему, она писала его в молодости.

– Как по мне, она не особенно любила письменные размышления. Я долго с ней жила и ни разу не слышала, чтобы она упоминала какие-то дневники, – Одри дёрнула плечом, – но кто знает. Возможно, в молодости она была другой. Посмотри, если сможешь его перевести, тогда будешь знать наверняка. В любом случае это мило; кто-то поделился с тобой частичкой истории.

Пока они уходили от купола, Лара сжимала в ладони корешок тетради. Внутри неё нарастало тянущее чувство страха. В отличие от матери она вовсе не была уверена, что это в принципе было «мило» с чьей-либо стороны.

[9] Дневник Сесиль Кабо *(фр.)*.

Глава 11

Воздух был прохладным от мелкого дождя. Лара предполагала, что в долине будет туман. Июньский утренний ветер тянул паром от растений и деревьев, которые целыми днями жарились на солнцепёке и наконец получили облегчение от сильного холодного ливня ночью. В такое утро люди предпочитали остаться дома, так что улицы были свободны, и дождь тихонько омывал булыжники. К полудню пробьётся солнце, и всё это место сделается сплошным болотом.

В последние несколько дней Ларин отец был на гастролях с воссоединившейся группой «Dangerous Tendencies». Первое выступление прошло на минувшей неделе в Шарлоттсвилле, затем в Дареме и Клемсоне, но ночью накануне у них был пробный концерт в Винчестере.

Лара положила дневник на стол и поудобнее устроилась в кресле.

– Как всё прошло?

Она была настроена на часовой репортаж с места событий: об изменениях в сете песен, проблемах с новым барабанщиком и масштабах и энергии толпы. Она гастролировала с отцом целый год, играя на ритм-гитаре, но из-за неисправного гитарного провода её чуть не убило током, и Джейсон больше не брал её в тур. На протяжении многих лет его вкус менялся в сторону блюза, и он искал музыкантов-единомышленников. К негодованию давних фанатов, на его концертах исполняли всего несколько песен из репертуара «Dangerous Tendencies», давая возможность сосредоточиться на новом материале. Пластинки Сан Хауса, Букки Уайта и Хаунд Дог Тейлора[10] стояли у отца на видном месте рядом с телефоном.

Джейсон сидел на краю стола. Он весь был в движении, лицо горело, пальцы барабанили по столешнице.

– Вообще мне очень понравилось.

Он даже подстригся для концерта, совсем коротко обрезав свои рыжие кудри.

– Правда? – Лара наклонила голову. – Тебе же никогда не нравится.

– Всё было идеально, – сказал он, с улыбкой глядя в сторону, как будто наслаждался воспоминаниями.

Джейсон был прирождённым путешественником. Ларе было очень совестно запирать его в клетке на монотонной работе, даже если от него требовалось только ставить пластинки, как подростку.

– Есть кое-что новенькое. Мы немножко поимпровизировали в автобусе. У парней много позитивных идей.

– «Позитивных»? Кто вообще так говорит? – Лара приложила руку к лицу.

Он поднял палец вверх и взял гитару «Гибсон».

– Мы работаем вместе кое над чем. Думаю, у нас наконец-то вырисовывается сплочённая группа.

– Слово «сплочённая» не сильно лучше. – Лара состроила горестную гримасу.

Джейсон хотел создать новую группу и записать новый студийный альбом. Хотя он отрицал это, Лара знала, что частично он согласился вести объединённое радиошоу, чтобы найти новую аудиторию и привлечь внимание студии звукозаписи. После его третьего альбома не возникло спроса на четвёртый. Даже десять лет спустя она понимала, что это всё ещё больная тема.

Отец начал с нескольких баррэ. Песня была приятная. Он писал исключительно приятные песни с простенькими, незамысловатыми мелодиями. В них не было большой глубины, пока они не попадали в руки к хорошему аранжировщику. Лара слышала треки до и после обра-

[10] Перечислены известные блюзмены.

ботки, их было практически не узнать. Не будучи величайшим автором-песенником, Джейсон блестяще исполнял каверы, поэтому его живые выступления обычно включали четыре-пять песенных сегментов с плавным переходом от одного к другому. Но это не превращало его музыку в точную копию песен, как от любой другой менее талантливой кавер-группы. Джейсон поднялся на иной уровень, накладывая отдельные аспекты простого блюзового стиля на что угодно: от «Run Through the Jungle» и «Effigy» группы «Creedence Clearwater Revival» до битловской «Hey Jude». Как в хорошей фонограмме, кусочки других мелодий пробивались сквозь его песню, только когда было нужно.

– Слушай, можно кое-что у тебя спросить? – Лара покрутила между пальцами ручку, закинув ноги на свой стол.

– Давай. – Он продолжал бренчать, работая над чем-то с новой компоновкой.

Лара вскочила и схватила акустическую гитару «Фендер» – её любимую.

– Вы не записывали никакого бэкмаска на альбоме «Tending», нет?

– Нет, а что?

– А мне вот так не кажется. – Лара устроила гитару на колене, быстро проверила, насколько инструмент расстроен, и подтянула струны. – Тут прошлой ночью случилась одна странная вещь с твоим альбомом.

Джейсон перестал играть, последняя нота затихала, пока он не прижал струну пальцем, – и бросил на Лару озадаченный взгляд.

– Я решила включить «The One I Left Behind». И пока я её перематывала, я услышала песню.

– Тебе бы перестать работать в ночную смену. – Он рассмеялся, погладив бороду. – Можно услышать тонны всякого мусора, когда перематываешь пластинки в студии. Ты же знаешь.

– Это было другое, – сказала она. – Именно песня, а не шум.

По бумажке с табами на столе она сыграла несколько аккордов и затем начала петь.

– Стой! – Джейсон стиснул зубы и так сильно схватился за Ларину гитару, что казалось, будто он сломает её пополам.

Ларин взгляд взметнулся к его лицу – бледному и вздрагивающему.

– Где, чёрт возьми, ты это услышала?

– Я же только что сказала. – Лара округлила глаза. Она совершенно не ожидала такой реакции. – Я перематывала твой альбом…

– Там нет этой песни, Лара, – оборвал он. Голос у него был резкий, на грани крика, как когда-то, когда она была ребёнком и слишком далеко заплывала в бассейне. – Её больше не существует.

Лара убрала руку от струн.

– Я… я тебе сказала. Я ставила на перемотку «The One I Left Behind» и тогда услышала *вот это* несколько раз. – Она специально указала на табы на бумажке. – Я попыталась взять магнитофон, но забыла про долбаные батарейки. Я подумала, что, может быть, смогу записать ноты на гитаре, и притащила её в студию. А странно было то, что песня пропала, когда Мелисса пришла сменить меня в десять.

Джейсон провёл пятернёй по волосам.

– Не может быть.

– Чего не может быть? – Лара прислонила «Фендер» к подставке. – Что это?

– Питер. – Он опустил глаза. – С момента, как Тодд сбежал, преследуешь с расспросами о Питере Бомонте. Что ж, если ты слышала эту песню, ты слышала Питера Бомонта. Мы не записали её, Лара. Она живёт только у меня в памяти. – Он указал на свой висок. – По крайней мере, жила. – Джейсон подскочил с места и вытащил из фонотеки копию «Tending». – Этот альбом?

В студии было несколько копий, но она специально использовала эту из фонотеки.

Лара кивнула.

– Ты уверена? – Он лихорадочно вскрывал конверт.

– Я всегда беру фонотечную копию, а не твою личную.

Джейсон подошёл к запасному проигрывателю, стоявшему у них в офисе. К этому набору был подключён микшер с меньшим количеством каналов, совсем не такой, как тот сложный, в студии. Она наблюдала, как отец перевёл ручку регулятора на перемотку и положил пластинку на опорный диск. Он направил ручку проигрывателя на трек три, потянул рычаг, чтобы опустить её, а затем нажал кнопку «старт», остановив запись, как только прозвучало начало песни. Медленно вращая пластинку, он начал перематывать её на проигрывателе.

В комнате было тихо: оба ждали, что они услышат.

Лара не знала, чего ожидать. Она не знала, хочет ли, чтобы песня действительно была там как доказательство, что она не… Она не что? Не выдумала её? Но отчасти ей не хотелось, чтобы песня действительно оказалась там. Это означало бы, что через альбом говорит мертвец.

Из динамиков послышался знакомый треск, зазвучал шквал исковерканных аккордов. Джейсон уставился на проигрыватель, моргая.

Что-то в Ларе дрогнуло. Она встала, положила «Фендер» на стол и подошла к отцу. Джейсон отодвинулся, чтобы пустить её к пульту. Коснувшись виниловой пластинки на позиции «вперед», Лара начала крутить её против часовой стрелки. Ещё до первого аккорда она знала, что песня там, под её пальцами. Раскрутив пластинку, Лара обнаружила, что с ходу подобрала правильный темп. Мелодия текла сквозь неё, словно выплеталась из ткани истории и памяти. Лара остановилась, зная, что это была не вся песня, а лишь маленький её фрагмент, вырезанный из времени.

Она обернулась – отец смотрел на неё, словно увидел призрака.

Джейсон встал и подошёл к своей коллекции гитар, висевших на стенах или стоявших там и сям на подставках. Он осторожно выбрал самую старую и побитую, с цельнокленовым грифом, гитару «Фендер Санбёрст». Выдернув шнур из другой гитары, он подключил видавшую виды «Санбёрст» к маленькому усилителю и быстро настроил на слух, поправляя старые струны, – для Лары они звучали так, как будто никто не играл на этом инструменте тридцать лет.

– Её нужно играть вот на этом, – пояснил Джейсон. Он взял первый аккорд, но покачал головой, остановился и сыграл первые несколько аккордов заново. Зная, с какой уверенностью обычно отец сочетал аккорды и ноты для своих песен и концертных сетов, Лара сказала бы, что эту песню он не играл очень давно. Его пальцы путались в ладах, и голос ломался. Лара наконец узнала песню, призрак которой слышала на альбоме «Tending», и у неё по спине побежали мурашки.

– Прости, – сказала она, после того как песня закончилась.

– Столько лет прошло, а я всё ждал от него знака – хоть какого-то.

– Почему сейчас?

– Будь я проклят, если понимаю, почему. – Он избегал её взгляда. – И почему ты? – Джейсон повесил «Санбёрст» на стену.

Лара чувствовала себя ужасно. Он был таким воодушевлённым каких-то четверть часа назад, радовался шоу. А теперь он смотрел на неё, словно в первый раз видел. Это очень нервировало. Лучше бы она ничего не говорила. Здесь проявилось что-то магическое, а Одри всегда предупреждала её о необходимости скрывать такие вещи. Теперь она поняла, почему. Собственный отец смотрел на неё, как на незнакомку.

– Я пойду, – сказал он, кивнул на дверь и взял свои ключи.

– Да, – сказала Лара, – поспи, ты же с дороги. – Она улыбнулась, надеясь разрядить обстановку.

Джейсон подошёл к двери и не обернулся, даже не потрудился закрыть её за собой.

Он спросил, почему именно Лара получила послание, но у неё самой это не вызывало вопросов. Джейсон ничего не знал о её магии. Лара чувствовала, что исчезновение Тодда, как некий странный обряд инициации, запустило цепь событий, из-за которой она, Лара, стала аккумулировать вокруг себя странные происшествия. Всё крутилось вокруг неё, и пока она не могла связать некоторые вещи, но у неё было чувство, что совпадений тут нет: её магия, исчезновения Тодда и Питера связаны. Она просто пока не знала, как сочетаются все эти фрагменты.

Лара в тревоге вернулась домой и долго лежала в горячей ванне, затем забралась в постель. На краю прикроватной тумбочки маняще примостился дневник Сесиль Кабо. Интуиция подсказывала Ларе, что этот дневник – не просто случайный подарок. Возможно, в нём бы нашлись какие-то ответы. Лара потянулась за тетрадью и открыла первую страницу.

Глава 12

Дневник Сесиль Кабо

Книга первая

3 апреля 1925 года

Будь наша мама жива, я знаю, всё было бы по-другому.

В цирковой гардеробной есть её фотография. Там она изображена в профиль, но даже по этому ракурсу можно сказать, что глаза у неё были голубыми, как у нас с Эсме. Её вьющиеся платиновые волосы похожи на мои – светлые, снег и серебро. Словами не передать, как я цепляюсь за эту крохотную деталь, подтверждающую, что моё сходство с нашей дорогой матушкой больше, чем у Эсме. Мадам Плутар, бывшая мамина костюмерша, – единственная, кто помнит её живой, помимо Отца. Но мадам Плутар хранит молчание обо всём, что знает.

Дело в том, что мама умерла, рожая нас. Все, кто что-то знает об этом, почти ничего не рассказывают, так что я боюсь, что мы родились при каких-то ужасных обстоятельствах. Всякий раз, когда я спрашиваю, мадам Плутар опускает взгляд или меняет тему и начинает яростно распарывать швы на костюмах, её суставы щёлкают, а губы складываются в такую плотную линию, сквозь которую не осмеливаются пробиться слова. Эсме никогда не спрашивает. Многих удивляет, что мы близнецы, ведь мы полная противоположность друг друга. Из нас двоих я тихая и задумчивая. Мадам Плутар зовёт меня близняшкой-тенью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.